

«Урманом» место называлось
В той «согре», дальней и глухой,
Не только звери ночевали,
Но поздней жуткою порой

В необъяснимое волнение
Вдруг лес таежный приходил.
Случались даже и виденья,
«Нечистый», сказывали, жил.

Соблазнов было очень много,
Чтоб душу детскую смутить,
И хоть наказывали строго,
И жутко было проходить.

Тот лес и топкое болото,
«Зыбун» с провалами без дна,
Мы пробирались, как пехота,
И цель у всех была одна.

Была в том царстве комарином
Страна чудес, ребячий рай.
Ждало нас озеро с недлинным
Названьем звучным Мангатай.

Избушка рубленая с печкой,
«Бат», лодка, сети и костер.
В поселке не хватало речки,
Вот от чего был весь сыр-бор.

* * *

Чуть в сторону от «злого» леса,
Через дорогу на покос,
Берез закрытое завесой
Кладбище, попросту – погост.

Жена Баянов на рыбалке

*А. Ефимов в багатах
среднего Приобья в Сибири*

Здесь хоронили, отпевали,
Вздыхая, плакали толпой,
Не все тогда мы понимали,
Стояли робкою гурьбой.

Всех хоронили по старинке:
Вперед ногами, на Восток,
Крест деревянный посрединке,
Из полевых цветов венки.

И было также непонятно,
Здесь женщины покой нашли,
В земле с мужчинами некротно,
Быть может, годы не пришли.

Умерших женщин было больше.
А почему, узнал я позже.

Когда вернулся вновь обратно,
Края родные посетил,
Я подтверждение наглядно
Об этом факте получил.

Поставлен памятник с оградой
Всем не вернувшимся с войны,
С наградами и без награды,
Все перечислены они:

* * *

Мне эту тему непростую
Уж можно было б завершить
И вспомнить юность озорную,
Но затрудняюсь разделить

Я память, где перемешалась
И новой жизни красота,
И юность, что вдали осталась,
И прошлой жизни простота.

Уходят мысли в даль такую,
Чтоб день сегодняшний понять -
Мечту, печаль, нужду бывую
В нем в суете не растерять.

Не позабыть чтоб в новой жизни
Нам корни счастья своего,
Почаще думать об Отчизне
И помнить прошлое ее.

Иначе смысла нету в жизни,
Коль не служить своей Отчизне.

* * *

Я отошел от описаний
Столь дорогих и милых мест,
Леса терялись в отдаленье,
А дальше шли поля окрест.

Зимой тоскливые метели
С полей сдували снег и наст.
Не только руки холодели,
Но отмерзал порой и нос.

*Людмила и Александр
Ситниковы с друзьями
на прогулке по Москве-реке*

*Савины Владимир и Люба
с детьми на своем подворье
в п. Шапкинск*

Весной, как солнце появилось,
Для лыж отрада, благодать.
По насту только раскатались,
Уж в мае снега не видать.

Поля весной зазеленели,
Где рожь, пшеница, где овес.
Картофель только пропололи,
А за спиною сенокос.

Скот разводил и полеводством
Был занят круглый год колхоз.

* * *

Поселок наш домов на сорок
Всегда жил дружною семьей.
В хозяйстве все решалось споро,
Дел летом больше, чем зимой.

Дома стояли в две шеренги,
За ними хлев и огород.
Для равновесия подпорки,
Забор, калитка у ворот.

В года забытости Господней
Он создан волею властей
Для поселенья неугодных
И чтоб другим было страшней.

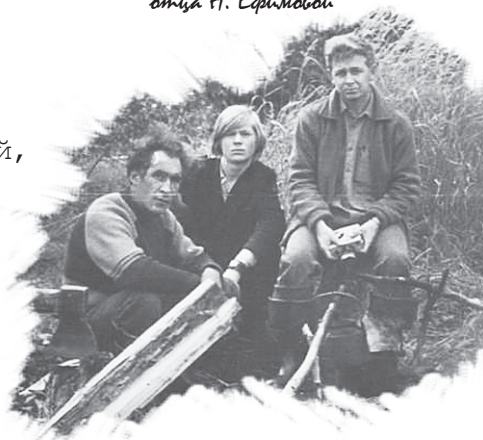
Их привозили на подводах,
Народ, что стал врагом себе,
Бесправных, нищих под охраной,
С имуществом, что на себе.

В тайге промерзшей оставляли
И без еды, и без жилья,

*«Остатки» нашей избушки
и домашнего хозяйства*

*Анатолий Ефимов
с проводником
и сотрудником милиции
в Ханты-мансийской тайге
у костра со sprzęта поисника
потерявшегося егеря
А.А. Воинова – родного
отца Н. Ефимовой*

Чтоб не сбежали, охраняли,
А впредь надейтесь на себя.

А сдохнете, туда дорога,
Врагам народа там и быть,
Просите помощи у Бога,
Чтоб до тепла помог дожить.

Мужчин в Трудармию забрали
Их долей был лесоповал,
Да пни вручную корчевали,
А норму комендант давал.

Всех отстающих «разбирали»,
С угрозой снизить всем паек,
Прилюдно зверски истязали,
Чтоб остальным всем был урок.

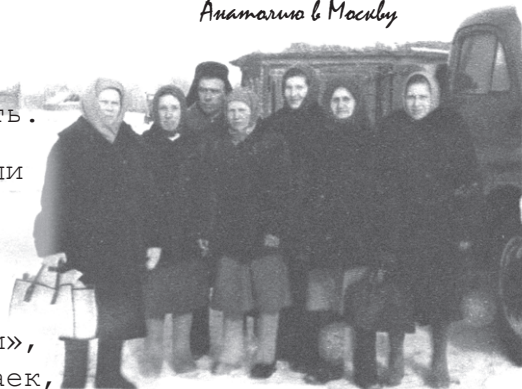
Земли лесной вскопать шесть соток,
Для женщин норма была в день,
В нужде, труде народ был кроток,
От голода тела, что тень.

Для хлебороба труд – не новость,
Чтоб обустроить жизнь и быт,
Лес рядом, он всему основа,
В нем находили есть и пить.

Вначале был шалаш из веток,
Затем землянка из жердей,
Вот сохранить здоровье деток
В тайге, нужде было трудней.

И дети быстро умирали,
Все до четырнадцати лет,
В насилье бабы не рожали,
Чем избежали новых бед.

*Мама Е.А. Ефимова
с землянками из Шахтинска
перед переездом и сыну
Анатолию в Москву*

В шестнадцать лет мама дистрофик,
А конюх дед «троцкистом» стал,
За что расстрелян был в Тобольске,
Отец же без вести пропал.

А бабуку вновь сослали дальше,
Детей крестила, а нельзя,
Что отпевала и умерших,
Сослали местные князья.

Затем построили поселок
Пред зарождавшейся войной,
И хлеб оставшихся был горек,
Пропитан болью и тоской.

Дед реабилитирован посмертно,
А с ним и вся наша семья,
Всех «чехом», списком, безответно,
Виновников найти нельзя.

Беда не только в тех погибших
Невинно от злодейских рук,
Убили веру у оставших,
Раз всё властям сходило с рук.

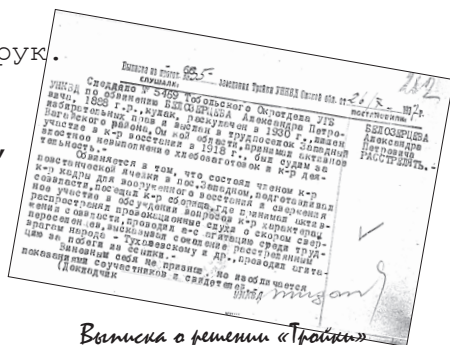
А если б деда не сгубили,
Он бы прикрыл в семье отца,
Мы все бы по-другому жили
Под сенью неба и Творца.

* * *

Секретов не было в деревне,
Их невозможно сохранить.
Все на виду, как на ладони,
И было нечего таить.

Памятный крест
на Соловках

Выписка о решении «Тройки»
о расстреле А.П. Белогорцева -
деда А.П. Ефимова

Одна на всех была забота,
Одна нужда, одна беда
До изнурения работа
И луч надежды, как звезда.

Надеждой души согревали,
Надеждой чувства берегли,

Надежда немцев остановит,
И скоро кончится война.
Что не убьют, а только ранят,
А коль вдова, так не одна,

Хоть дети будут утешеньем,
Вот только их бы сохранить,
Зима пойдет на потепленье,
Картошка нынче уродит,

Налоги может станут меньше,
Должна погода угодить,
На трудодень дадут побольше,
Сил хватит сена накопить.

Здоровье, может, станет лучше,
Хлеб соберем, чтобы прожить,
Все вынесем, согласны больше,
Скорей бы только победить.

С надеждой этой шли к Победе,
Через нужду и через беды.

* * *

Наш дом, а правильнее, хата,
А попросту сказать, изба
Была обычна, простовата,
При ней имелся двор, труба.

Подруги по ссылке:

*Е. Соколова, О. Родинова,
Е. Ефимова, М. Мездегова,
С. Кокина*

*Бабушка – Белозерцева
Мария Ивановна – сестра
матроса-механика Я. Чебанова
с крейсера «Потемкин» – казачка.
Выслана со Ставрополя и умерла
в ссылке в п. Шапкинск.
Могила потеряна.
Реабилитирована посмертно*

Ряды берёзовых полениц
Тепло хранили до зимы,
Гордился журавлём колодец,
С водой всегда, бери взаимы.

С П Р А В К А
о реабилитации

г. _____ календ. 19__ г. Пр. № _____ Ставрополь.

Гр. Белозерцев Александр Петрович
(подпись, или отчество)

Место и время рождения 1888, с. Архангельское Терского уезда
Место жительства до применения репрессии с. Архангельское Прикумского р-на
Ставропольского края

Когда и на каком основании реабилитирован В 1930 году на основании решения районного комитета краевых ревизионных учреждений

Основание для признания оправданности по политическим мотивам в административном порядке
Постановление ЦКК и СНК СССР от 01.02.1930 г.

На основании пункта «а» ст. 3 Закона России от 16 декабря 1928 года «О реабилитации жертв политических репрессий» (статья) Белозерцев Александр Петрович
(подпись, или отчество)
реабилитирован (по).

*С.И. Устинов Ф.Л.
Ставропольский край* *[Подпись]* МОСКОВСКИЙ РАЙОН ДЛЯ ПОЛНОГО И.П.
2021—15/01 1904 г.

Справка о реабилитации
А.П. Белозерцева

* * *

Картофеля сажали много,
Иначе было не прожить,
Без хлеба, мяса - огороды
Не дали людям умереть.

В далёкой Индии корову,
Святой считают уж давно,
Бурёнку нашу я б по праву
Назвал священной заодно.

И хоть хлопот с ней было много,
Попробуй сена накосить,
Покосы выделялись строго,
Крутись, коль хочешь жизнь прожить.

Но видно так в нужде спасала
И помогала голытьбе,
Что мать зимою разрешала
Телёнку жить у нас в избе.

* * *

В семье гусей всегда держали,
Насколько помню, каждый год
Гусынь двух в зиму оставляли
И гусака, чтоб был приплод.

Домашние гуси

*Подворье Т. Ширшовой
в с. Уманово*

Расчёт простой, на эту живность
Налога не было тогда,
Семье и детям оставались
В дни тяжкие перо, еда.

Весь скот зимой жил в тёплой «стайке»,
Там от мороза веселей,
Днём выпускались на прогулку
И поглазеть на снегирей.

Одна гусыня была белой,
Вторая серою всегда,
Гусь увлекался больше первой,
А серою, уж коль нужда.

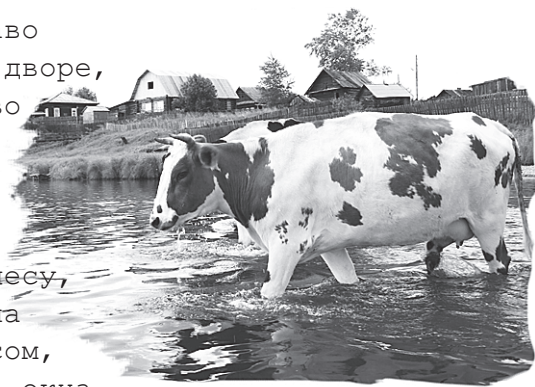
Зато как гордо, величаво
Встречал потомство во дворе,
Заботился он хлопотливо
И гоготал до одури.

* * *

За огородом, ближе к лесу,
Стара, приземиста, черна
Стояла кузница с навесом,
В ней дверь одна и два окна.

Все ожидали, что однажды,
Как в сказке с Бабою-Ягой,
Вдруг кто-то громко ей прикажет:
«А ну-ка, кузня, дверь открой!»

Мы завороженно смотрели,
Как звонко чудо совершал
Из раскаленного металла
Кузнец: подкову выгибал.

Волшебник той страны далекой,
Он уводил нас за порог,
Боясь, чтоб кто-то ненароком
Босые ноги не ожег.

От теплоты его ладоней
Храню я в сердце уголек.

* * *

Еще в колхозе было место,
Что отнимало наш покой.
От любопытных было тесно
В столярной нашей мастерской.

Шерхебель, долото, рубанки,
Фуганок – длинный чародей,
Нам от названий было жарко,
Просили в руки дать скорей.

И от доверия бледнея,
А от усердия сопя,
К станку на цыпочки вставая,
Строгали, время торопя.

И стружка желтою волною
Свивала в кольца наш азарт.
С тех пор люблю, того не скрою,
Я столяров святой талант.

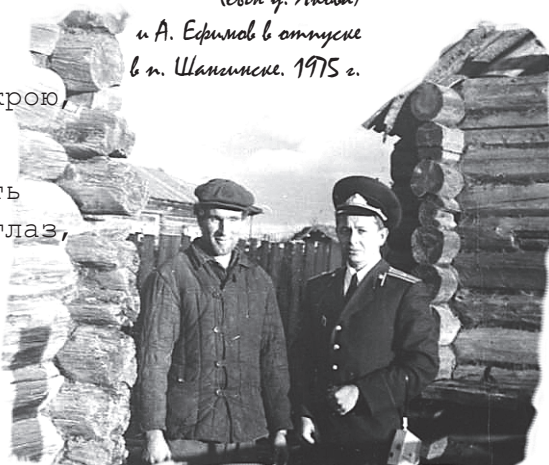
Осталась в памяти шершавость
Их рук и взгляд неженских глаз,
В которых вечная усталость
И доброта не на показ.

Поклон мужчинам из поселка
Убитых, подменив отцов,

*Групповая фотография жителей.
В центре верхнего ряда
Петя Медведев – сапожник,
участник самодеятельности,
инвалид*

*Виктор Родинов,
тракторист
(сын г. Якова)
и А. Ефимов в отпуске
в п. Шапкинске. 1975 г.*

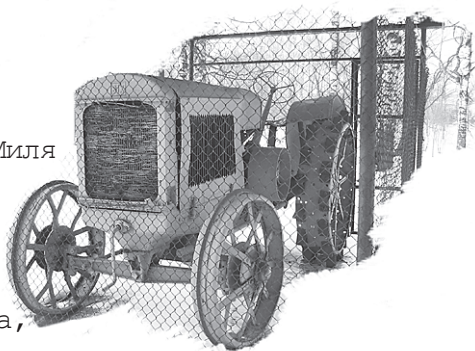

Жить, как своих, учили тонко,
Терпели шкodu сорванцов.

*Калхозный
калестный трактор ХТЗ*

* * *

Сегодня в век автомобиля,
Ракет, метро и ЭВМ
Мне вспомнилась вдруг тетя Миля
На старом тракторе своем,
С шипами задние колеса,
Ведро пустое позади,
Штурвал, истертый до износа,
И маховик для молотбы.

Сиденье в дырах чуть прикрыто
Фуфайкой старой и худой.
Зато глаза чисты, открыты,
Как небо, что над головой.

Нас с грохотом она катала,
Мы «скорость» трогали рукой,
Затем картошкой угощала,
Пекла за выхлопной трубой.

Россия справила победу,
А бабы ходят за сохой.

* * *

Раз дело техники коснулось,
Мне нужно будет рассказать:
Полуторка у нас водилась
Еще до нового ЗИС-5.

С ее особенностью странной,
Привычкой глoхнуть и чихать,

*Центр пос. Шангинск,
и-з Победа*

Шофер ругался постоянно
И вспоминал родную мать.

Не пощуреешь – не поедешь,
Народный опыт говорит.
Пред рейсом нужно кочегарить
И ящик с «чурочкой» возить.

Бензин лишь в «свечи» заливали,
А заводили лишь рукой.
Толкали, мыли, собирали,
Пока списали на покой.

Давно б машину разобрали,
В колхозе не было другой.

* * *

В хозяйстве нашем самобытном
Для мельницы и молотбы
Был двигатель прелюбопытный:
И без колес, и без трубы.

Работать мог он на солярке,
На нефти, может, на воде,
Был посложней консервной банки
И выручал народ везде.

Перед работой дядя Яша
Огнем цилиндр разогревал,
Чтоб завелась машина наша,
Кого-то в помощь себе звал.

И вот машину раскрутили,
Вздохнула, дымом обдала,
На маховик ремень надели
И вновь работа ожила.

*Е.А. Ефимова возле
медицинского пункта
поселка, где работает
санитаркой*

*Е.А. Ефимова
и А. Гребенников после
возвращения
из армии
на колхозном
ГАЗ-51*

А свет изношенной динамки
В душе разгонит тень и страх,
Ток электрический в посёлке
Был дан в студенческих годах.

* * *

Но главной силой для работы
В хозяйстве значилось «тягло».
Теперь, конечно, слово это
Из обращения ушло.

Для земледельца оно было
Дороже золота всегда,
Так как пахало и косило,
А в доме с ним тепло, еда.

Тяглом считалось все, что тянет,
Везет, несет и мало ест,
Тяглом и ссыльный каждый станет,
Сюда попавший под арест.

Тяглом в Сибири называли
Коней, быков: их запрягали
В телеги, сани, и они
Пахали, сеяли, везли.

* * *

Быков почти мы не застали,
Лишь смутно помню скотный двор,
Лениво как они жевали,
Был в их глазах всегда укор.

Вот от чего скажу едва ли,
Но жалко было их тогда,
Не от того ли, что мычали,
И доставалось им всегда.

П.М. Сидоров наш земляк с ВОВ

За то, что медленно ходили,
Почти всегда плелись в хвосте,
Неповоротливыми были,
Упрямыми, по простоте,

Что вид имели неказистый
И вечно ели что-нибудь...
Характер вроде не форсистый,
Но запросто могли свернуть

То в огороды с огурцами,
А то в поля, где зрел овес.
Я с детства не дружил с быками,
Так как душой к коням прирос.

Мне кажется, что это чувство
До дней сегодняшних донес.

Всегда конюшня в жизни давней
В нас пробуждала интерес.
Она имела двор центральный,
Сарай для сена и навес.

При ней загон, колодец, шорня,
Амбар, телег был длинный ряд.
Для жеребят загон отдельно,
А дальше выгон для телят.

Все лошадиное сословье
Делилось четко по частям
И содержалось отдельно
По отведенным им местам.

Лишь жеребец был на особом,
Высокий черный конь-гордец.
Он гривой взмахивал, как чубом,
Красавец с кличкой Боец.

*Мария Ивановна –
пионервожатая,
Виталий Иванович –
военрук – Бавыкины
с детьми Сергеем и Ириной.
Мария Ивановна –
заслуженный учитель
России*

Боец в конюшне ржал призывно,
Завидя утренний табун,
Встречал с ночного всех он бурно,
Отец им был, и сват, и кум.

Коней рабочих из загона
Всех уводили на поля
Работать начинали рано,
Пока еще сыра земля.

Их ожидали зной и овод,
Слепни и комариный зуд,
Снега по пояс, зимний холод,
То пашут, то дрова везут.

*Н. Ефимова с лошадьми в загоне.
Угощает грибами*

Все эти «чудные» условия
Уделом были и людей,
И даже детского сословья,
Но больше наших матерей.

* * *

Молодняка табун цыганский
Жил для того, чтобы расти,
Был полон озорства и странствий,
Не просто было их пасти.

Мне жаль сегодняшних мальчишек,
Что, погружаясь в Интернет,
Природу видят, как излишек,
Спешат поднять свой интеллект.

На пацанов были похожи
Все жеребята-стригуны,
Стройны, пугливы, осторожны,
Подвижны, как и мы, вольны.

*Лошадь ищет
ласанства у девочки*

От любопытства замирая,
В испуге черный глаз кося,
Тянулись теплыми губами
К ладошке, хлеб у нас прося.

И я такой же голенастый
С кудрявой гривой волос
Хлеб подавал ему с опаской,
Что в тайне со стола принес.

Быть может, зрелище смешное
Смотреть на нас со стороны,
В мир будущий вступали двое,
Как две звенящие струны.

* * *

Слова, что были в обращенье,
Сегодня редко нам нужны,
Так как средства передвиженья
Давно уж заменили мы.

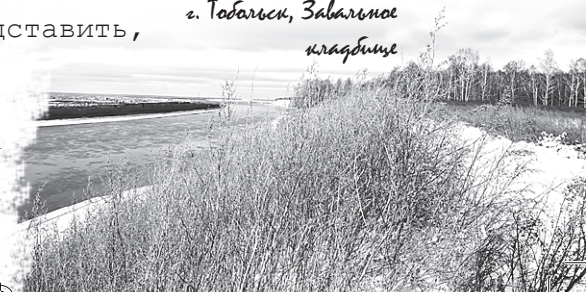
Нина Ефимова
общается со страусом
на Красной Поляне

Звучали как - дуга, телега,
Постромки, дышло и хомут,
Валек, седло, шлея, подпруга,
Двуколка, вожжи, узда, кнут,

Чересседельник с недоуздкой,
Ярмо, оглобля и супонь,
А коль соленое со смыслом,
Так можно было и в огонь.

И если к этому добавить
Словарь обычный, бытовой,
То можно только лишь представить,
Каков был наш язык живой.

В березовой роще
на берегу Иртыша
закрыты в общих могилах
с намерами расстрелянные
безвинно хлеборобы, в т.ч.
дедушка А.П. Белозерцев
(могила затеряна).
г. Тобольск, Забайкалье
кладбище

* * *

Работа кончена и, солнце
Устало спряталось за лес,
Весь скот собрался у колодца,
А кое-кто на сруб залез.

Ключом жизнь была у колодца,
Сюда шли летом все подряд:
Коровы, кони, даже птица,
Водой поили огород.

Прожив уже довольно много,
Я не могу пока понять:
Анализ не брали строго,
Ну, а болезней не видеть.

Достав ведро воды холодной
И жажду подавив в себе,
Вначале полное корыто,
Ну, а потом уже себе.

И кони теплыми губами
Цедили воду из корыт,
Затем качали головами,
Пытаясь нас благодарить.

* * *

О бане много нынче слышим
Рассказов, просто хвастовства,
Запугивали даже лешим,
Где правда тут, а где молва.

После работы, приняв ванну,
Мы вслух планируем порой,

*На Саровках после гибели внуков:
Вячеслав и Алеша Струмины,
Женя и Денис Ефимовы.
Лена фотографирует,
Н. Ефимова в халате*

*На месте расстрела
деда А.П. Белозерцева
в тюрьме г. Тобольска*

Что нужно будет сходить в баню,
Чтоб разогнать в костях застой.

И споры жарче, чем в сауне,
Где пар сухой, а где вода,
А где в парной пожарче зона,
Чтоб разобраться навсегда.

Хвою и пиво добавляли,
Чтоб крепче и в себя порой.
Березу с дубом прославляли,
Довольны модой и собой.

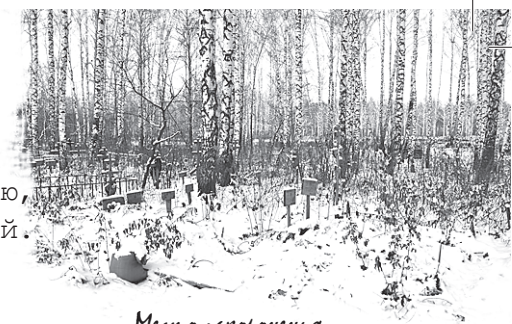
У леса, где журавль с колод,
С предбанком, печкой и трубой,
На мир глядя своим оконцем,
Манила баня всех собой.

Обыденно и без рекламы
Шли в баню, взяв детей с собой,
Обычно в пятницу мужчины,
В субботу женщины толпой.

Тазы с собой, белье и веник,
По огородам шли тропой,
Устало раздевались в сенях,
Вдыхая запахи парной.

Смоленный дух от стен и пола,
Скобленных лавок влажный блеск,
Здесь смесь воды, тепла и мыла,
И кирпичей каленых треск.

Пугал всех вид огромных бочек,
В углу стоящих, с кипятком.
Огнем горела кожа мочеков,
Знобило ноги холодком.

*Место захоронения
расстрелянных под Тобольском.*

*Завальное кладбище.
Таблички указывают места
массовых погребений*

*А. Ефимов с однокурсницей
Ширтовой Тamarой в с. Ушаково.
Муж Алексей умер, два сына
живут отдельно*

Тела мосласты, коренасты,
Белы, лишь на лице загар,
Мы ж, ребятня, тонки, ушасты
И с длинной шеей, как комар.

Ковшом железным с длинной ручкой,
Не руки, корни в узлах вен,
Нам воду из горячих бочек
Из взрослых кто-то наливал.

Обмыв грязь, пот неторопливо,
Следы недельного труда,
Запарив веник и проверив,
Холодная ли есть вода,

Свой взор, внимательный с прицелом,
Усталость, злость себе убрав,
На печку, лавки и все в целом
Данила Обухов бросал.

И окатив полок из таза,
Горячий веник в руки брал,
Он со словами : «Эх, зараза!»
В парную пару поддавал.

Мы, как горох, летели с полок,
А в клубах пара и огня
С победным шумом гулял веник,
Стонал Данила, всех браня.

Кричал, чтоб дали больше пару,
Что лодыри и мертвецы,
Но побывав в парной с Данилой,
Они обратно бы ушли.

Сидел в предбаннике он долго,
На плечи шубу положив,

*Альона и Филипп Гемель
с семью детьми.
Вынуждены уехать
на Алтай, бросив
свое хозяйство
при ликвидации поселка
по плану укрупнения
сельских поселений. 70-е годы*

*А. Ефимов в семье Гемель
на Алтае. Живут вместе
дружно, ведут свое хозяйство,
учат детей. Филипп умер.
Скучают по Шангису.
Сохранили всю семью. 2010 г.*

Курил, ругался уж не злобно,
Но водку никогда не пил.

О, баня! Скольких согревало
Промерзших душ твое тепло,
Пусть за окном зима трещала
И заморожено стекло,

И хоть скребли на сердце кошки
От горя вечного, нужды,
К тебе не заросли дорожки,
Была оплотом чистоты.

* * *

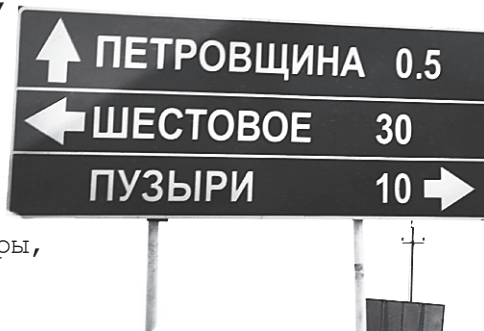
Веками русские просторы
Былую славу нам несли.
Забыты старых распрей ссоры,
Травой забвенья поросли.

Осталась в мраморных статуях,
В тиши ночной могильных плит
Святая память о героях
И вечным пламенем горит.

Войны далекой отголоски
Уж скоро в прошлое уйдут,
Названья древних сел, погосты,
Быть может, дольше проживут,

А в общем как определиться,
Что проживет, а что и нет,
Кто будет жить, тот разберется,
Он сам найдет на все ответ.

Ответ, чтоб память не обидеть,
Чтоб главного не позабыть,

*Дом Ширшовых в Ушаково,
перевезенный из Шагинска
при ликвидации поселка*

В деталях важное увидеть,
А в прошлом новое открыть.

Простым названьем у народа
Украшен каждый уголок.
По ним в любое время года
Найти мог каждый свой денек.

За датами больших событий,
Страну прославивших навек,
За небывалостью открытий
Стоял обычный человек.

Кто сваи бил тяжелой бабой
Александрийский столб держать,
Кто кисть не выпускал до гроба,
Стремясь великое создать.

Кто шлифовал в гранитной пыли
Атлантов сильные тела,
В труде стремились, чтобыплыли
Церквей воздушных купола.

Кто занемевшими руками
Исакий дерзко вверх поднял,
Украсил Ленинград мостами
И крепость на Неве создал.

И так крупица за крупицей
Труд их вознесся на века,
Живет в дворцах, мостах, столицах
Российских мастеров рука.

Всех перечислить невозможно,
Пусть смелость на себя возьму
И вспомню очень осторожно
Тех, кого знал я наяву.

Храм
на Бородинском
поле

* * *

И в этом кратком описанье
Мест с детства милых, дорогих
Не мог не вспомнить я названий
Совсем бесхитростных, простых.

Названия эти в обиходе,
Как карты штурману, нужны,
Они все помнятся в народе,
Да и народом же даны.

По имени иль понарошку,
В честь земляка иль от нужды,
Чтоб показать другим дорожку
Как горький след большой беды.

И эта память на исчезнет,
Хоть на бумаге не живет,
Со временем она воскреснет,
В рассказах нянек прорастет.

* * *

«Четвертый квартал» называли
Лес сенокосный и большой,
Грибы там даже не искали,
Коси, коль хочешь, их косой.

Лес был березовый, поляны
От разнотравья зелены,
Траву косили здесь руками,
Стога от запахов хмельны.

После болотного угара
Сюда от гнуса и слепней
Живое всё, как от пожара,
Спешило в тень берез скорей.

*Мама – Е.А. Ефимова
с грибами
на крыльце избы*

Грибы на радость – сыроежки,
Опенки – только от нужды,
Гриб белый, грузди как коврижки
Издали были видны.

«Четвертой гарью» называли
И «третьей» тоже, и «второй»
Озера – часто в них купались,
Теперь уж заросли травой.

Но старожилы вспоминали,
Что до войны здесь бор стоял,
Пожар шел огневой верхами,
А под ногами торф пылал.

Слой торфа многометровый
Горел и летом, и зимой,
Потом был залит водой талой,
Зарос болотной травой

Раз, убегая при тушении
От ураганного огня,
Уж не надеясь на спасенье,
Я провалился в пойма.

Горевший торф, подобно домне,
Готов был сжарить пацана.
Господь не допустил мученье,
И помощь вовремя пришла.

Тушить пожары шли всем миром,
Задаром, чтоб помочь, спасти,
Не заросла и совесть жиром,
Беду бы только отвести.

Год тридцать третий шел над миром,
Россию ждал тридцать седьмой,

Сибирь, открытая пожарам,
Предвестником беды большой.

Поселка нет и нет тех гарей,
Забытьем время поросло,
Ушли герои, нет и тварей,
В душе лишь иногда темно.

От пепла тех лесных пожарищ
Или забытости людской
Не знаем, кто теперь товарищ,
Подонки кто и кто же свой.

И в искрах тех трагедий страшных,
Что ветер к звездам уносил,
Жила надежда всех бесстрашных,
Кто в пропасть эту угодил.

* * *

*Дедушка – А.П. Белозерцев
с товарищами-казанцами
во время службы до ссылки*

Пшеница крепкая родилась
В полях с названием «Две сосны»,
Они от вырубок остались,
Издавека были видны.

В главе отдельной я обязан
С тоской и грустью рассказать,
Как наш поселок был построен,
Потом распахан был опять.

Но раз полей коснулось слово,
На месте их леса росли,
Они строительству основа,
Пни скорчевали и сожгли.

Все так обычно и понятно,
Вот только с разницей одной:
Копали, строили занятно,
Без техники, лишь голытьбой.

В землянках жили, кору ели,
Вручную рыли целину,
Распухли ноги, сердца ныли,
Надеялись лишь на весну.

Детей три года не рожали
От безысходного труда,
От голода, в болезнях жили,
Кругом тайга, вода, нужда.

Полей три тысячи гектаров
И пастбищ взяли у тайги,
Раскорчевали лес, вскопали
Вручную, впроголодь смогли.

Комендатура каждым шагом
Руководила у людей,
Под неусыпным ее взглядом
Все находились, до детей.

В девятом классе как-то в мае
Наш класс дрова заготовлял
Для школы, норму тоже знаю:
Два «куба» каждый чтобы «взял».

Пилой двуручной лес валили
С корня и сучья топором,
Затем на чурки испилили,
Поленья сложили рядком.

* * *

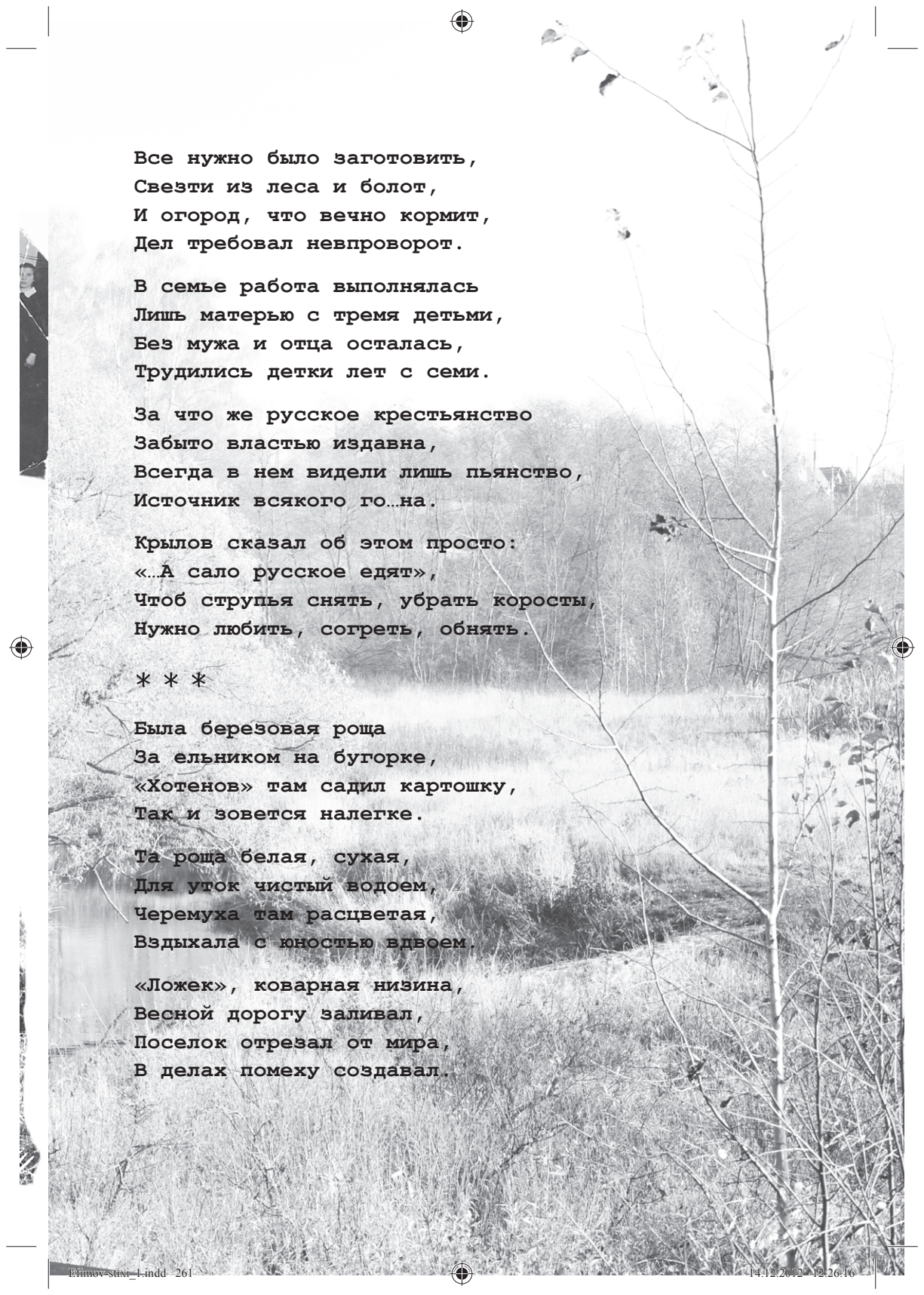
Я эти нормы с детства помню:
Пятнадцать кубометров дров,
Аж двадцать пять центнеров сена
Имел на зиму каждый кров.

*9 "А" класс, в котором
учился брат Ю. Ефимов.
Они с А. Кадомцевым стоят
в верхнем ряду*

*Мария Ивановна
Бавкина – учительница
музыки, рисования
и пионервожатая,
заслуженная
учительница России.
На сенокосе*

Все нужно было заготовить,
Свезти из леса и болот,
И огород, что вечно кормит,
Дел требовал невпроворот.

В семье работа выполнялась
Лишь матерью с тремя детьми,
Без мужа и отца осталась,
Трудились детки лет с семи.

За что же русское крестьянство
Забыто властью издавна,
Всегда в нем видели лишь пьянство,
Источник всякого го...на.

Крылов сказал об этом просто:
«...А сало русское едят»,
Чтоб струпья снять, убрать коросты,
Нужно любить, согреть, обнять.

* * *

Была березовая роща
За ельником на бугорке,
«Хотенов» там сажал картошку,
Так и зовется налегке.

Та роща белая, сухая,
Для уток чистый водоем,
Черемуха там расцветая,
Вздыхала с юностью вдвоем.

«Ложек», коварная низина,
Весной дорогу заливал,
Поселок отрезал от мира,
В делах помеху создавал.

От старости иль от работы,
Здесь лошадь свой конец нашла,
Дождь с ветром череп обработал,
Чтоб голова видна была.

Давно забыты все истоки,
Сильна ж народная молва,
Как раньше, мокрую протоку
Зовут «Кобылья голова».

Раз, возвращаясь в половодье,
Мы проломили тонкий лед,
Конь, натянув свои поводья,
Со ржаньем вытащил вперед.

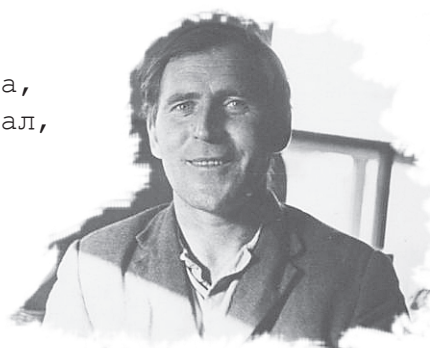
Фисенков дед коней в ночное
На пустошь осенью гонял,
Он умер, поле ж то большое
«Фисенков» назвали «увал».

«Завод кирпичный», «Первый мостик»,
«Речушка», «Ельник» и «Кедрач» –
Слова звучат, как яркий праздник,
Как детства моего трубач.

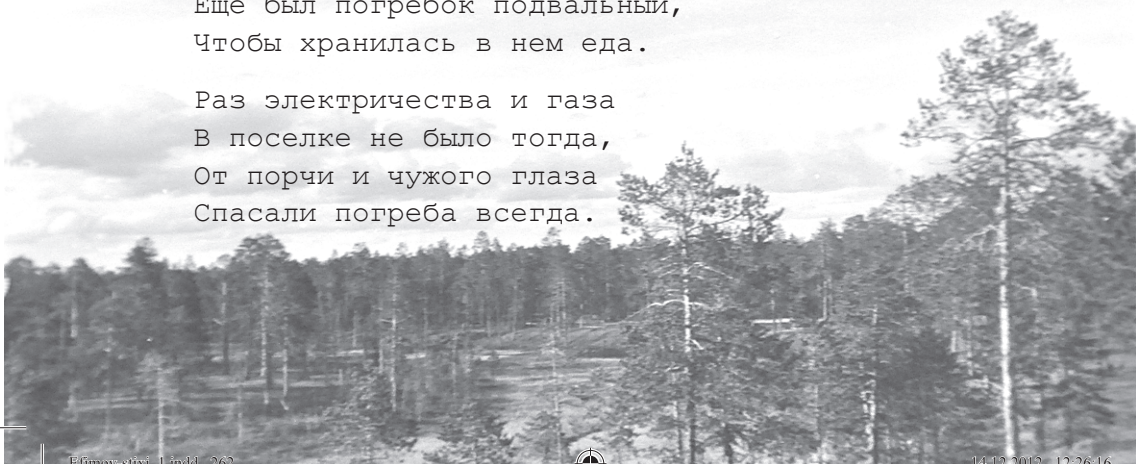
* * *

Хозяйство было натуральным,
За хатой «стайка» для скота,
Еще был погребок подвальный,
Чтобы хранилась в нем еда.

Раз электричества и газа
В поселке не было тогда,
От порчи и чужого глаза
Спасали погреба всегда.

*Самуил Гребеников.
Вернулся после службы
с Дальнего Востока.
Всегда был в компании:
«Дальневосточная опера
фронтная...».
Ушел из жизни рано.*

«Чужой глаз» лишь от искушенья,
Скорее от скота, зверья,
Не помню, чтобы в поселенье
Был случай краж или воря.

В сенях чулан за переборкой,
С запасами муки на год,
Рай для мышей, хоть с мышеловкой,
Охранником назначен кот.

Кот был сибирский, гладкошерстный
И звался Хомка-мышелов,
Мышей ловил, как мяч футбольный,
Был черный и гроза котов.

Стояла чудо-печь с лежанкой,
Буржуйка, лавки и шесток,
Кровать в углу, стол со скамейкой,
Подполье, лампа, образок.

Хлеб выпекали на неделю,
Обычно круглый и ржаной,
А печь для нас была постелью,
Особенно в мороз, зимой.

Еще лучин пучок на печке
И фитилек, чтобы светить,
В тетрадках, книгах видеть строчки
И мрак чуть-чуть расшевелить.

А если керосин кончался,
Чтобы не брать его взаймы,
Наш дом лучиной освещался,
Как правило, в конце зимы.

*Кот Хомка –
сантехник.*

*Назван в честь древнего
сибирского предка.*

Гладкошерстный черный

Т. Шифрова, живет одна.

Сыновья наезжают.

*После ликвидации поселка
переехали с мужем Алексеем
вместе с домом и хозяйством
в с. Ушаново.*

*Алексей скончался
год назад.*

Свет от семилинейной лампы
Нас радовал лишь при гостях,
А в будни огонек коптилки
Рассеивал нужду и страх.

* * *

Машинка «Зингер» называлась,
Была ножной и с колесом,
Нам, что крутили, доставалось,
Тогда все было нипочем.

Когда метельными ночами
Жизнь замирала над тайгой
И тьма лишь звездами сверкала,
Да раздавался волчий вой,

Мать по ночам кроила, шила,
Чтобы поправить наш бюджет,
С тремя детьми вдовою стала,
Когда у жизни лишь рассвет.

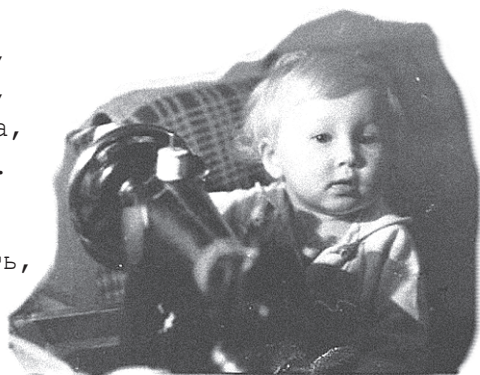
И помня горькую судьбину,
«Бродягу» пела, чтоб не спать,
Рыдая, также про рябину,
Что не могла дубок обнять.

«Дубочки» спали на лежанке
Под песни горькие твои,
Без крыльев, но уже подранки,
Скорей бы только подросли.

Одежду, чтоб служила дольше, Перелицовывали куртки,
Из-за нехватки берегли, Костюмы, платья и штаны,
Перешивали вещи старших, Пороли, снова подгоняли,
Носить чтоб младшие могли. Сто раз латали, до трухи.

*Семья Соколовых – сильный
фелдшер (после отца),
Надежда Георгиевна –
моя первая учительница*

*Сын Денис крутит
швейную машинку, так же,
как в свое время крутили мы*

* * *

Мне дали валенки в колхозе
Как премию за лошадей,
В них ноги мерзли на морозе,
Подшить хотелось побыстрей.

Я с теплотой хочу отметить,
В скорняжной нашей мастерской
Сапожник Петр с улыбкой встретил,
Босого не пустил домой.

И подмигнув лукавым глазом,
Хромой кудесник поучал,
Как на пимы поставить задник,
Чтоб ноги грел, не натирал.

Согрев с мороза кружкой чая,
Спросил о сене и дровах,
Избушка наша была с краю,
Не замело ли на задах.

Здорова ль мать, тепло ли в доме,
Чтоб наточить пилу принес,
Да насадить лопату, вилы,
Поможет вывезти навоз.

Он об отце с любовью вспомнил,
Что был хороший человек,
Что был бы нами он доволен,
Коль не ушел на фронт навек.

И как же любопытно было
Узнать, как шьют здесь сапоги,
Потрогать острый кончик шила,
Моднее выбрать передки.

*Семья Ширтовых:
Петр, Мария, Алексей,
Тамара, сын Василий*

Как из полена сделать шпильки,
А нитки в дратву превратить,
Колодку подобрать по мерке
И голенище удлинить.

Послушать сказки дяди Пети,
А также вести из ООН,
Какие на болотах черти
И про церковный перезвон.

Он рассказал про смерть Чапая,
А также Пушкина читал,
Хвалили вместе мы Мазая,
За речи Черчилля ругал.

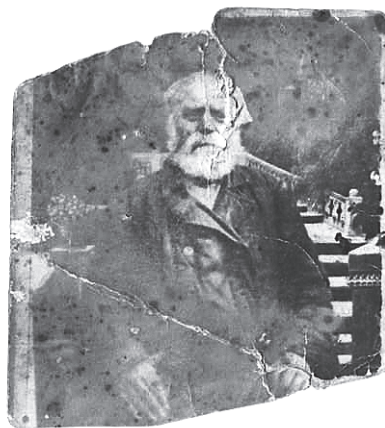
«...Комьями взлетают буераки,
Низкие шумят березняки,
Темнота стоит, и в полном мраке
Блещут белой армии клинки...»

От страха сердце колотилось,
Хотелось побежать, спасти,
Глаза рассказчика искрились,
На стенах тени, как кресты.

Буржуйка тоже дополняла
Необычайный колорит,
Коптилка тени создавала,
Смола и вар в углу шкворчит.

Неповторимый терпкий запах
Стоял в сапожной мастерской,
Кулья сапожника, как лапа,
Кончалась мертвою клюкой,

Здесь нас терпели, утешали
Простым корявым языком,

*Прямой предок нашей семьи.
Из-за насильственной гибели
и раскулачивания родни,
его имя и родство требуют
дополнительного уточнения*

Границы жизни расширяли,
Чтоб стать мальчишке мужиком.

* * *

Мужчин по возрасту, здоровью,
Что для войны не подошли,
Послали призывной тропой
Вдаль от поселка и семьи.

Они работали на стройках
Заводов, шахт и городов,
Трудились на лесоповалах
Бойцы без званий и чинов.

После Трудармии вернулась
Лишь часть потухших земляков,
У всех здоровье пошатнулось,
Так подорвали мужиков.

Из их рассказов было ясно,
Что значит подневольный труд,
На фронте жизнь была опасней,
А по лишениям видно нет.

В работе были молчаливы,
Без Божьей искры на лице,
Спокойные и не спесивы,
Понуро жили в уголке.

Из жизни уходили тихо,
Исполнив долг свой на земле,
Виновные, что жили плохо,
Со скорбным видом на челе.

*Семья бригадира М. Фатина.
Скромный ужин в палатке*

*Н. Стыванов – тоже
ссыланный. Много помогал
матери, когда мы были
еще маленькие –
и советам, и делом*

* * *

Мне прошлое волнует душу
Своим теплом и естеством,
Я, видимо, все скоро брошу,
Отправлюсь в детство босиком.

Увидеть синее приволье,
Коснуться выросших берез,
Испить таежное раздолье,
Что душу трогают до слез.

Просить прощенья на погостах,
Заброшенных давным-давно,
Страдать на старых пепелищах
И поискать свое гумно.

Пусть замороженная память
Меня сквозь время пронесет,
Пред земляками вновь поставит,
Души страданья уберёт.

Чтоб заглянув в родные лица,
Раскрыть причины их невзгод,
Смог перед ними причаститься,
Напиться святости на год.

И успокоить всех несчастных,
Что помнить будем, сколь живем,
Страданий не было напрасных,
Их честь и имя бережем.

Вновь поискать в своем сознание
Ответ на то, как дальше жить,
У Ильина занять познаний,
Молитвой Бога попросить.

Работе «лошади»
пархоза «Победа»:
О. Родикова, Е. Соколова,
М. Межегелва, Е. Куинова,
Е. Ефимова, М. Ширмова,
П. Карелина

Чтоб дал ума смотреть пошире
И жизнь сквозь время процедить,
Не повторить чтоб в новом мире,
Жестокой правды не забыть.

* * *

Я посетил лесок с погостом
Морозным утром в ноябре,
Кольнуло сердце чем-то острым,
Душа стораает на костре.

На кладбище заросшем, диком
Стоял лишь обгоревший крест,
Как памятник всем позабытым,
Безмолвный горестный протест.

Прошел, исчез, остался в прошлом
Жестокий век для сих людей,
Поселка нет, нет даже крошки
Следов от жизни и страстей.

Тайга обратно возвращает
Пространства, взятые давно,
Всевышний злобы не прощает,
Забытым станет, что грешно.

Вот только жаль людей достойных,
Безвинно севших в западню,
Красивых, честных и безмолвных,
Попавших в адскую струю.

Проклятье властному отродью,
Что истязало свой народ,
Который собственною грудью
Страну закрыл от всех невзгод.

Мы знаем, как сюда попали,
Как создавали жизнь в тайге,
Безвинных многих потеряли,
Чтоб все осталось на нуле.

Пытаюсь я, хоть это трудно,
Найти пропавших земляков,
Которые ушли отсюда
По воле жизненных ветров.

Все, с кем связались, повстречались,
Светлы их память и тоска,
Как будто и не расставались,
А отлучились лишь пока.

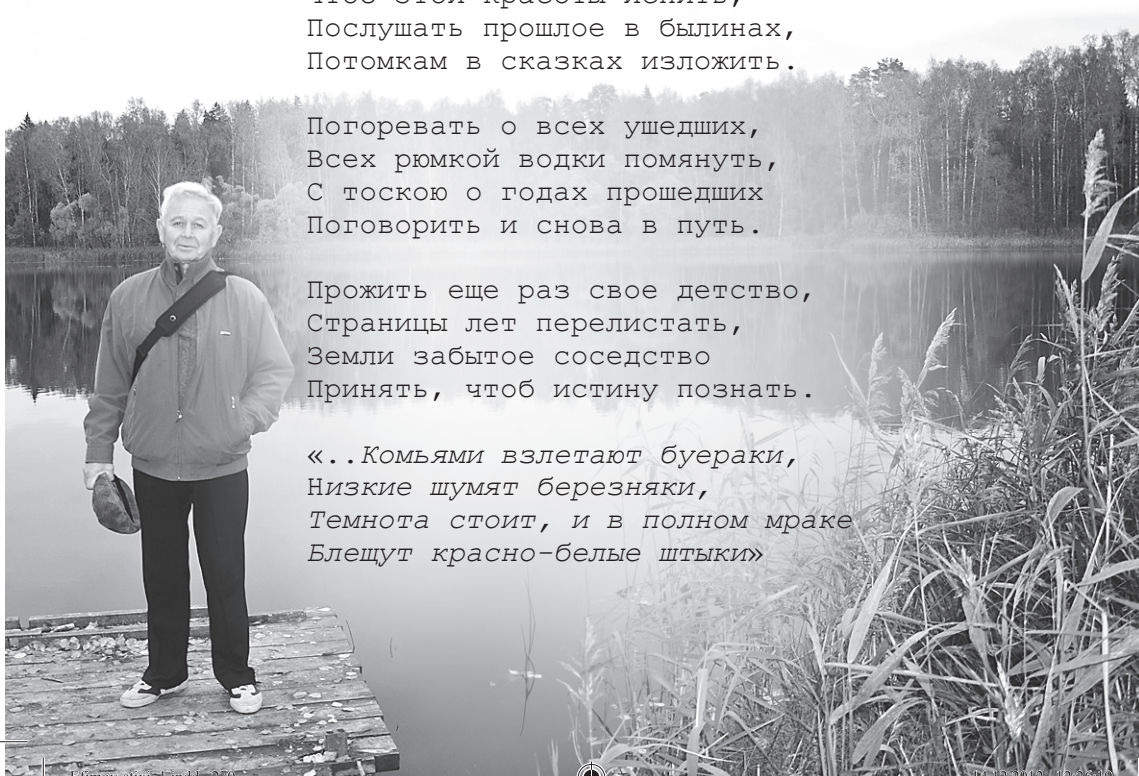
Готовы вновь сюда вернуться,
Земля, родились где, зовет,
Но время вспять не повернется,
Таков безжалостный исход.

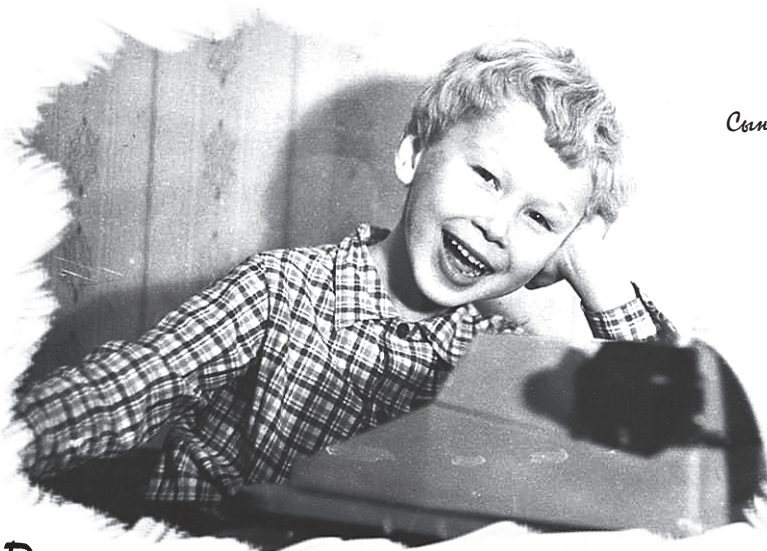
Я ж прилечу сюда на крыльях,
Чтоб этой красоты испить,
Послушать прошлое в былинах,
Потомкам в сказках изложить.

Погоревать о всех ушедших,
Всех рюмкой водки помянуть,
С тоскою о годах прошедших
Поговорить и снова в путь.

Прожить еще раз свое детство,
Страницы лет перелистать,
Земли забытое соседство
Принять, чтоб истину познать.

«..Комьями взлетают буераки,
Низкие шумят березняки,
Темнота стоит, и в полном мраке
Блещут красно-белые штыки»

Сын Денис

Посёлок

Землякам п. Шагинск (спецпоселение - Тям. обл.)

Край, где родился, вечно будет дорог,
Всегда горит в нём детства огонёк,
Куда исчез ты, мой бревенчатый посёлок,
Вот возвратить тебя бы на часок.

Полынь кругом, от края и до края,
И пахнет так, что замирает дух,
Моё здесь детство босоногое летает,
Роняя по земле осенний пух.

Я исходил земных дорог немало,
Летели годы всполохами гроз,
Желанный край, всегда мне не хватало
Твоих по-вдовьи опечаленных берёз.

Полынь остановись, не покрывай забытьем,
Оставь из прошлого хоть этот уголок,
Где от усталости всегда бы мог испить я
Родной земли живительный глоток.

Боюсь, что время зарастёт травой,
Как отыскать потом мне в детство путь,
Друзья живут давно своей судьбою,
Уходит молодость, её мне не вернуть.

И оглашая воздух, напоённый
Богатством осени, вечерней чистоты,
Клин журавлей стремится в отдаленье,
Как я куда-то от родимой стороны.

Что впереди, никто нам не укажет,
Каким я буду, где закончу путь,
Какое небо покрывалом ляжет
Навечно по тебе тоскующую грудь.

Меня волнует жизни совершенство
И сердце властно гонит в жилах кровь,
Не зарастёт полынью горькой детство,
Оно, как журавли, ко мне вернётся вновь.

Вернётся красками лесных закатов,
Вернётся запахом просёлков и полей,
Вернётся сыном, синеглазым и кудлатым
И станет от того дороже и родней.

1980 г., п. Шанинск

Отчего же с годами...

Отчего же с годами сильнее
В нас тоска по родной стороне
И поля, что кругом зеленеют,
Сердце наше тревожат вдвойне.

Вид забытой деревни волнует,
Как родной уголок и приют,
Край, в котором и любят, и помнят,
Рады встрече и искренне ждут.

Словно птицы весенней порою,
Разлетелись друзья по земле,
Тот заброшен житейской судьбою,
Этот в поисках счастья себе.

А. Ефимов
на 70-летии
земляка
из д. Чудбариха
А. Зайцева
в г. Москве

А часы, что с друзьями, как птицы
Пролетают, вино расплескав,
Я смотрю на знакомые лица,
Нет на свете дороже богатств.

Н. Ефимова и гайки

Может время с любимой напрасно
Проводил я, про всё позабыв,
Я б тогда не узнал, как прекрасна
Жизнь, коль любишь её и любим.

Из далёких времён довоенных
Юность смотрит глазами парней,
Завещавших нам мир во вселенной,
Ничего нету в жизни ценней.

Мы встречаемся редко, случайно,
Жадно ловим черты и слова,
Ищем в новом забытое тайно,
Уж седая у всех голова.

1982 г., с. Умарово

Когда закаты залоты...

Когда закаты золотые
На землю сумерки сведут,
И мысли поздние, ночные,
Вновь сединой ко мне придут.

Я поищу в потёмках мыслей
Тропинку детства своего,
Что на заре росой чистой
Открыла в новый мир окно.

Которая со мной упрямо
Искала в жизни светлый путь,
Которая не предавала,
Не искушала повернуть.

В минуты тягостных трагедий
Надежде освещала путь,
И, укрывая от сомнений,
Душе давала отдохнуть.

Я благодарен тем истокам,
Природу их мне не понять,
Что направляли, как протоки,
Вдаль, океаны открывать.

*Часовня
на расстреляном
парикоме в Бутыно
под г. Москвой*

И начиналось все сначала,
Мечта рождалась в чудесах,
Всегда нам в жизни не хватало,
Вот только блеск горел в глазах.

Тот свет божественно-волшебный
Был маяком туманных дней,
Чем тяжелее в жизни брэнной,
Тем он горел еще сильнее.

Горел, чтоб вера не пропала,
Чтоб честь и совесть сохранить,
Чтоб сердце корысть не разъела,
Чтоб для людей достойным быть.

И верилось в те дни исканий,
Мы не напрасны на земле,
И пройденный наш путь скитаний
Не пропадет в туманной мгле.

1993 г., г. Ярославль

Встреча через 20 лет:

А. Ефимов, Р. Николаев,

Э. и С. Чернозипунниковы,

В. Лубочникова

*Архимандрит Варлаам и Н. Ефимова
у креста на месте гибели от магии вичков
Ваня и Маша в Делехова*

Мама, братья
Юрий и Владимир
с жёнами Ларисой
и Розой,
Оля и Пётр

Деду, бабушке, матери с отцом, братьям, родным и землякам
о нашем пос. спецпереселенцев в Тюменской области

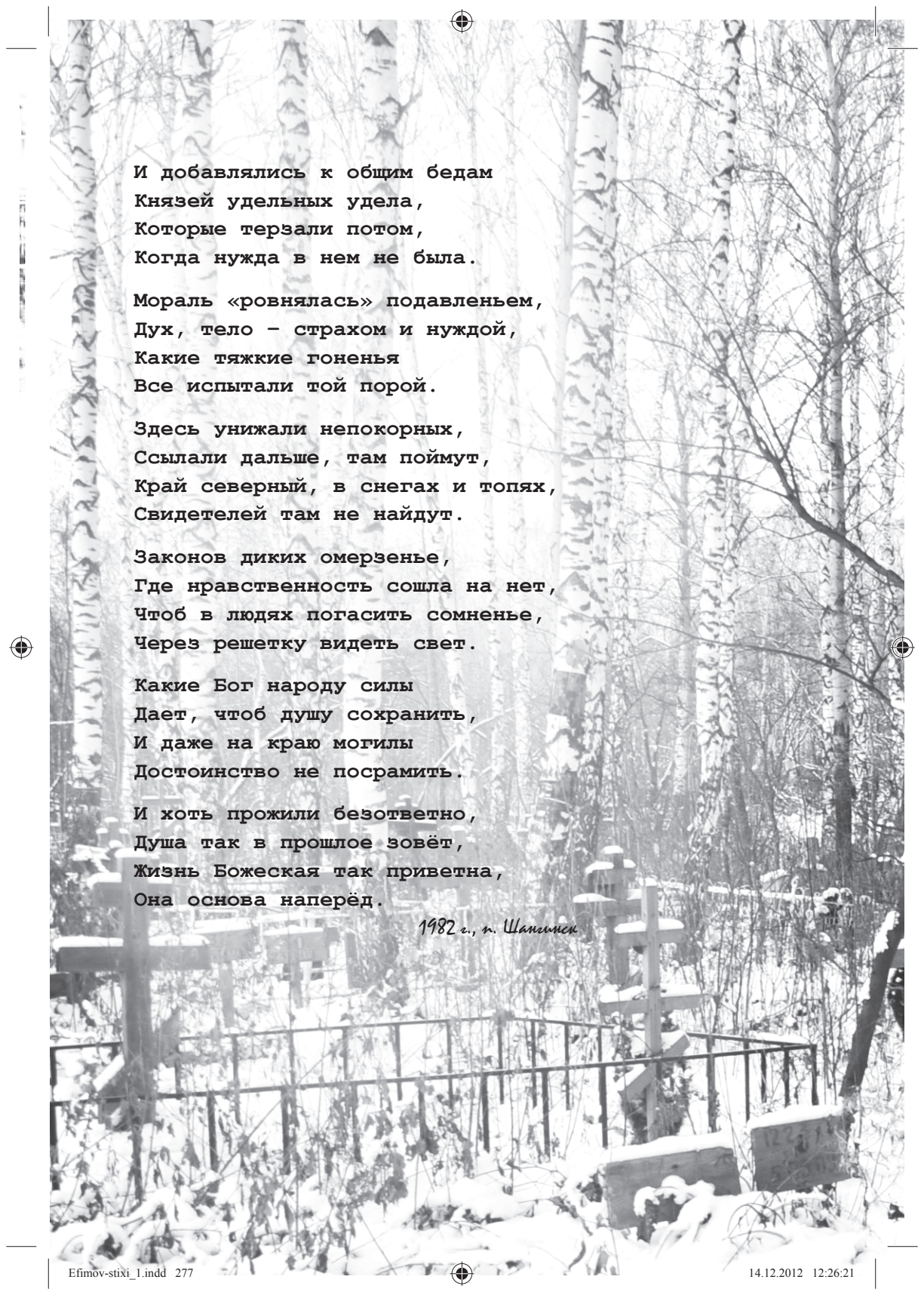
О Шангинске

Поселки властно создавались,
Чтоб в страхе содержать народ.
Так вольнодумство изгонялось
И, значит, не было забот.

Ярлык на шею хлеборобам,
Врагам народа место тут.
Нуждой, работой, огородам
Очерчен был у жизни круг.

Сюда ссылали, угнетали,
Души истоки чтоб изгнать,
Чтоб молчаливыми мы стали,
Чтобы традиции унять.

Чтобы дедов забыли внуки,
Чтобы корней засохла нить,
Отцов не взяли на поруки,
Забыли, что не позабыть.

A black and white photograph of a snowy forest. In the foreground, there is a cemetery with several wooden crosses and a metal fence. The background is filled with tall, thin birch trees with white bark, their branches bare and covered in snow. The ground is covered in a thick layer of snow.

И добавлялись к общим бедам
Князей удельных удела,
Которые терзали потом,
Когда нужда в нем не была.

Мораль «ровнялась» подавлением,
Дух, тело – страхом и нуждой,
Какие тяжкие гоненья
Все испытали той порой.

Здесь унижали непокорных,
Ссылали дальше, там поймут,
Край северный, в снегах и топях,
Свидетелей там не найдут.

Законов диких омерзенье,
Где нравственность сошла на нет,
Чтоб в людях погасить сомненье,
Через решетку видеть свет.

Какие Бог народу силы
Дает, чтоб душу сохранить,
И даже на краю могилы
Достоинство не посрамить.

И хоть прожили безответно,
Душа так в прошлое зовёт,
Жизнь Божеская так приветна,
Она основа наперёд.

1982 г., г. Шахматки

В память о поселке спецпереселенцев
Шангинск Тюменской обл.

Ради чего...

Ради чего страданий столько,
Земля неволей не живёт,
Взамен цветущего посёлка
Лишь горькая полынь растёт.

Укором неразумным мыслям,
Позором страшным на года,
Проклятием вождям известным,
Страданием людей труда.

От хронологии жестокой
Уж сердцу некуда черстветь,
Ну, ладно, было б однобоко
Страшнее варварство терпеть.

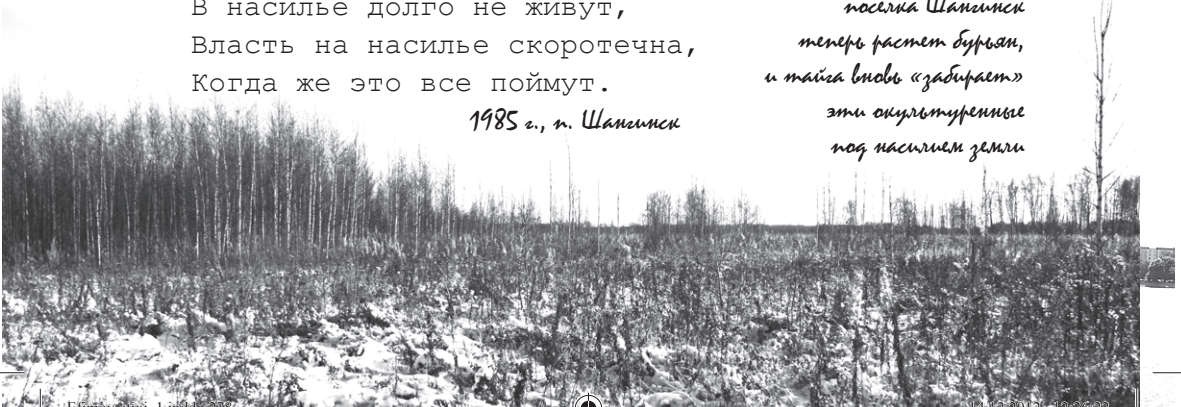
В цивилизованном обличье,
Под государственным гербом
От крестоносцев нет отличья,
Что веру топчут сапогом.

Когда бывшее разрушали,
Считали прошлое вредно,
В мученьях новое создали,
Чтобы разрушить вновь его.

Жизнь без любви недолговечна,
В насилие долго не живут,
Власть на насилие скоротечна,
Когда же это все поймут.

1985 г., г. Шангинск

На месте цветущего
посёлка Шангинск
теперь растёт бурьян,
и тайга вновь «забирает»
эти оккупированные
под насилием земли

*Казак – сослуживец
А.П. Белозерцева, сосланного
и расстрелянного в Сибирь*

Подранки

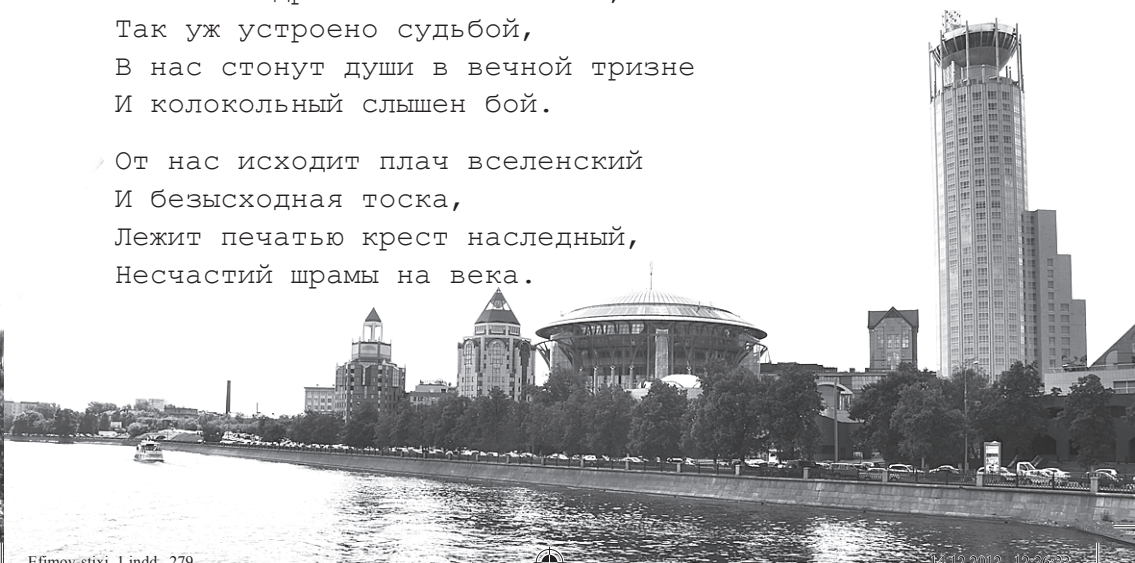
Каков он будет век грядущий
И нам чего он принесет,
Услышит голос наш зовущий
Иль вновь к проблемам приведет?

Нам прошлое пора понять бы,
Судьбу чтоб не пытаться вдвойне,
Лежит на нас веков заклатье,
А счастье где-то в вышине.

Куда теперь направить крылья,
Чтобы увидеть в свете даль,
В душе у нас то изобилье,
То радость, чаще же печаль.

Мы все подранки в этой жизни,
Так уж устроено судьбой,
В нас стонут души в вечной тризне
И колокольный слышен бой.

От нас исходит плач вселенский
И безысходная тоска,
Лежит печатью крест наследный,
Несчастий шрамы на века.

Дедов услышанные песни,
Что смолкли в них в расцвете лет,
Отцов, не давших даже вести,
Прощанья горестный совет.

Насильно созданные села,
Что стали нам всего родней,
Теперь забытые просторы,
Чтоб думалось о них больней.

Нас не пускает современность
Во вновь открытые дворцы,
Душа не скроет свою пленность,
Мы с ностальгией, как птенцы.

Мы пережили все, что было,
Не знаем, где теперь живем,
Нас прошлое уже забыло,
А в будущее не придем.

2010 г., с. Делехово

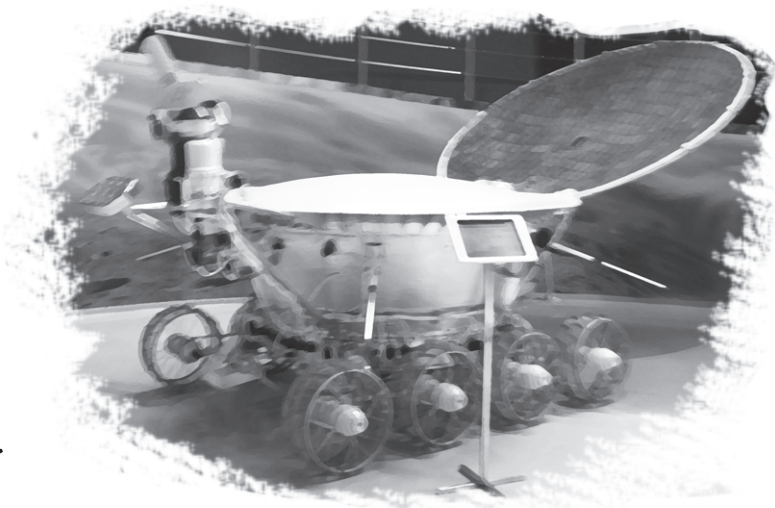
Страусы в неволе на ферме

Глава 7.

Страдания верные Отлучны,
любви и ней тстая слеза

Парет

Бескрайней белою равниной
Под нами облачность прошла,
Ряды заклепок тонкой строчкой,
Да черный номер у крыла.

Здесь купол неба голубого
И солнца нестерпимый блеск,
Следы мороза неземного
Лежат снежинкой на стекле.

Прошли Урал, седой, покатый,
В степи мелькает наша тень,
Антенна кончиком усатым
За горизонт уводит день.

Чай с бутербродом на подносе,
Сок, кофе и лукавый взгляд,
Крыло качается в провесе,
На полках рюкзаки лежат.

Борт-проводница объявляет,
Что за бортом за пятьдесят,
Как быстро самолет летает
И где закончится полет.

Обычно все и так привычно,
Иначе и не может быть,
Еще посадки бы приличной,
Уж впереди табло горит.

О, человек, дитя природы,
Как ты силен, могуч и смел,
Какие выдержал невзгоды,
В них лишь окреп и поумнел.

О, человек, волшебник гордый,
Устрой одно из главных дел:
Сдружи для мира все народы,
Пока еще сегодня цел.

Нырнем птицей серебристой
Мы с облаков к земле родной,
Что и во сне нам даже снится
Всегда прекрасной, молодой.

1980 г., Камчатка-Москва

Миражи

программа «Буря»

А. Ефимов в Иерусалиме

Стою на взлетной полосе,
Что в мареве волною плещет,
Переливается, трепещет
И растворяется совсем.

Озер синевящие дали
И малахитовых лесов,
Узор, что в воздухе растаял
Взамен сияющих костров.

События, каких не знала
Еще природа на земле,
Уж слово новое сказала
На этой взлетной полосе.

А миражами жизнь богата,
Они нас ждут со всех сторон,
Радуги лаская брата,
То белизною снежной гор.

То неподкупной красотой,
То очарованной мечтой,
А чаще ложью золотою
И подкоلودною бедой.

1987 г., Байконур

Н. Ефимова с парашютистами
у креста на месте
противостояния
с войсками Орды на р. Угре

*Пересуд мужики
с Делехова
с разговорами
о прошлом
и настоящем*

Так что же нужно...

Так что же нужно перестроить,
Чтоб жизнь по-новому начать,
Урезать где, а где утроить,
Работать молча иль кричать?

О том, что мало получаем,
Что грязи много развелось,
Как часто явное прощаем,
Теряем, что с трудом далось.

О воспитанье молодежи,
Что с ней делать, не поймем,
Что хватит драть с деревни кожу,
Иначе с голоду помрём.

Об отношении к природе,
Хозяйству, людям и деньгам,
Растет, что в нашем огороде,
Как экономим по крохам.

На укрепление интернатов
И на строительство больниц,
У каждого была чтоб хата,
Исписаны пуды страниц.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
УШАКОВСКАЯ ОСНОВНАЯ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА
ВАГАЙСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
РЕЖИМ РАБОТЫ:
Пн.-Пт. - 8.00-17.00, Сб.-Вс. - выходной
626253 ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ВАГАЙСКИЙ РАЙОН
с. УШАКОВО, ул. ЛЕНИНА, 67А

И тут же по ветру пускаем,
От широты и щедрости,
Других в разгуле упрекаем,
Своей не видя бедности.

От неумения работать,
Свой труд в общественном ценить,
Что не хуdeer от заботы,
Как бы державу укрепить.

Достоинство в вине теряем
И равнодушьем обросли,
Нужды товарищей не знаем,
От лени по миру пошли.

Несем в подмышках и кармане,
В машине тоже иногда,
О воровстве молчит собрание,
Что хата с краю, не беда.

В отписках, планах и приписках
Громадный опыт обрели,
Давно все делаем без риска,
Коль бюрократов развели.

Что из-за этого без хлеба
Стоят амбары и гумно,
Без мяса жить и ширпотреба
Привыкли все давным-давно.

И лижем пятки и повыше,
Свое достоинство поправ,

*А. Ефимов и Л. Майзнер –
орденоносцы, бывшая
спотница-доярка п. Шапкинск
и д. Губариха. Сослана в Сибирь
девочкой с родителями-немцами.
Живет в Ушаново*

Почетный караул
у Вечного Огня

Хапугам, сволочам под «крышей»
Средь бела дня штаны задрав.

И стыдно, горестно до боли,
Как докатились до того,
Мы, сыновья бойцов, что били
Фашизм и в гроб свели его.

Что скажем тем, кто уж не с нами,
Их образ, совесть шевелит,
Что предали, куда попали,
Куда Россию привели?

Как допустили в благодушие
Труда основу потерять,
Корыстием обросли чтоб души,
Бездеьем молодость занять.

Кивнуть, конечно, можно выше,
Не спрятать нам свое лицо,
Что дедам нашим было проще,
Когда поднялись на дворцы.

Когда страна в кольце блокадном,
От голода сжимая рты,
Людей теряя безвозвратно,
Держала зыбкие фронты.

Изнемогая от разрухи,
Сохой сумела все поднять,
Зашить дырявые прорехи,
Страну достойную создать.

Вот только что теперь с ней делать,
Коль курс неверный раньше был,
Нам одуревшим в беспределе,
Уже дожившим до седин.

Искать вождей, их было много
И где на новых веру взять,
Законы были очень строги,
Как беззаконие понять.

Куда крестьянину податься,
Найти где правду и судьбу,
Как раньше, может уж смириться,
Не тратить силу в пустоту.

Народ велик, один ничтожен,
В сомнение чахнут целый век
И выход все-таки возможен,
Чтоб жил достойно человек.

1990 г., г. Москва

Первое сентября
в г. Скопин
Рязанской обл.

Лишний

Меня не посчитали в переписке,
Я где-то выбыл, куда-то не пришёл
И мучаюсь от горестной ошибки,
Не нужен я, от жизни отошёл.

Разложит всех по полочкам машина,
Кого в один, кого в другой столбец,
Лишь про меня совсем она забыла,
Я лишний неоформленный жилец.

У каждого семья, жена, прописка,
Есть адрес, специальность и друзья,
А про меня оставили записку,
Я выбывший, я временный, а зря.

Что делать мне, куда теперь податься,
Меня не включают в общий план страны,
Как мне теперь питаться, одеваться,
Я лишний, я теперь со стороны.

Чего боюсь, мы это проходили,
Живёт народ, нет личностей давно,
Мы общие и про себя забыли,
А карточку положат под сукно.

1989 г., г. Калининград

Беспокойства

Живу тревожно, беспокойно,
Заботы давят сердце, грудь,
Как без волнений жить достойно
И беззаботно вдруг вздохнуть.

Что сделать, чтобы не терзала
Проблем запутанная нить,
Душа от них давно устала,
Да и кого же в том винить.

Опять стоим на перепутье,
Простор кругом, куда идти,
Ушли от прошлого забытья,
А с кем не знаем по пути.

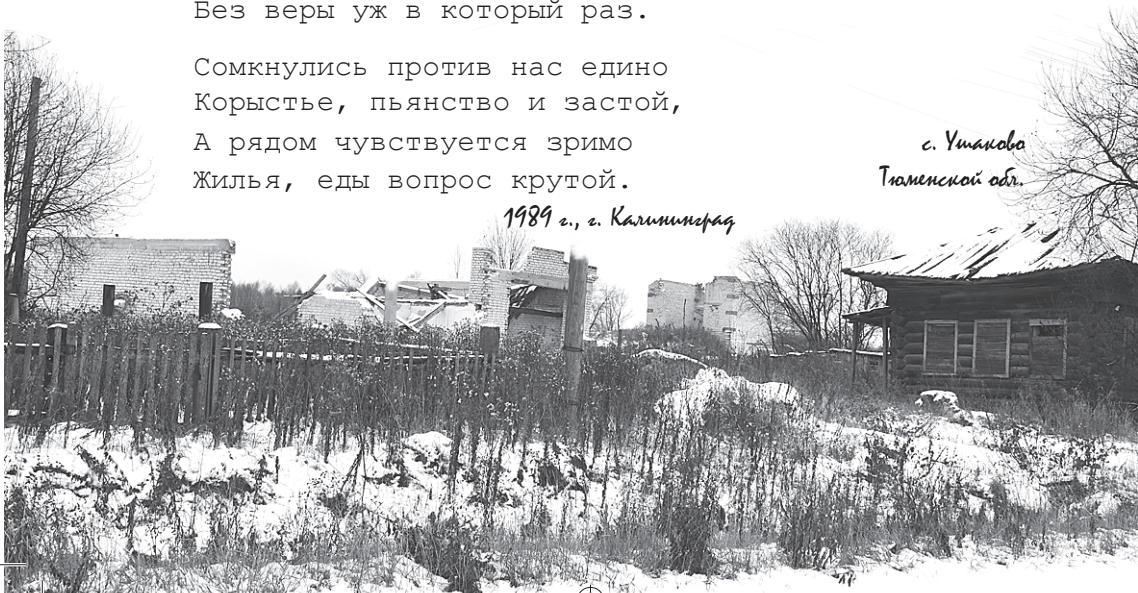
Толчём нужду, а не проблемы,
Порой не знаем, что хотим,
Создать не можем нужной схемы,
Уж о победе не кричим.

От бесконечных лжесоветов,
Что бумерангом бьют по нас,
Спасаемся за счёт декретов,
Без веры уж в который раз.

Сомкнулись против нас едино
Корысть, пьянство и застой,
А рядом чувствуется зримо
Жилья, еды вопрос крутой.

1989 г., г. Калининград

с. Ушакова
Тюменской обл.

Названия русских поселений

Названия русских поселений
Пришли к нам из глубин веков,
В них не искал никто сомнений,
А вера шла от стариков.

Случилось что-то в этом мире,
Цыганский табор иль базар,
Как мебель старую в квартире,
Сведём историю в товар.

Меняем карты, документы,
Чтоб жизнь продолжить на века,
Тому, кто время на моменты
Сменил, коль есть своя рука.

И убедив народ могучий,
Что он давно того хотел,
Сменили много в общей куче
Столиц, заводов, улиц, сёл.

Меняют адреса в бумагах,
Скульптуры из металла льют,
Погрязли в чванстве и парадах,
За память и здоровье пьют.

Все успевают, кто при жизни
Себе корону создаёт,
Другой, воруя у Отчизны,
В историю себя ведёт.

Терзают снова нашу память,
Чему же верить – мы кричим
Опять по просьбе, может хватит,
Менять названия без причин.

1998 г., г. Москва

Автобусная станция –
Ярково

Н. Ефимова
с папанинами
в Свято-Тихоновской
пустыни

Скорбь

Среди колючек порыжелых,
Приземисты, удручены,
Стоят ряды бараков серых
С тоской навек обручены.

Собрали в них со всей России
Народ под зной и под мороз,
Чтоб руки, что хлеба растили,
Без хлеба сохли от корост.

И вдаль стеклянными глазами
Без ожиданий и надежд,
Вы шлёте вслед за облаками
Проклятье времени невежд.

За что же узники гонимы,
Какой они свершили грех,
Чтоб в них жестоко растоптали
Надежды поколений всех?

Вновь рвётся небо космодрома,
В их окнах пламенем горит,
Но после каждого подъёма
Душа страдает и болит.

Болит от недопетых песен,
В неволе сломленной любви,
Безвременно ушедших вёсен,
Их не вернуть, как не зови.

И меркнет радость достижений,
А гордость тлеет, не горит,
Беду ушедших поколений
Победный блеск не заслонит.

1990 г., г. Байконур

Моему деду А.П. Белозерцеву,
расстрелянному по 58 статье
в 1937 г. в г. Тобольске

Поклонный крест
жертвам репрессий

Когда же...

Когда же кончится разруха
Над исстрадавшейся страной,
Держава стала развалюха,
А контролёров круг двойной.

Одни историей навечно
Нас окружили издавна,
А рядом с ними дел заплечных
Свои родные мастера.

Что знаменем назвали корысть,
Лишь властью дышат и живут,
Отняли у народа гордость,
Достоинство и даже труд.

Сменили честь на нищих долю,
Мораль отдали за кусок,
В борьбе за власть – пустое поле,
А с ним свободы на вершок.

Опять кого-то выбираем,
То лечим, то в могилы шлём,
При этом откровенно знаем,
Не той дорогой вновь пойдём.

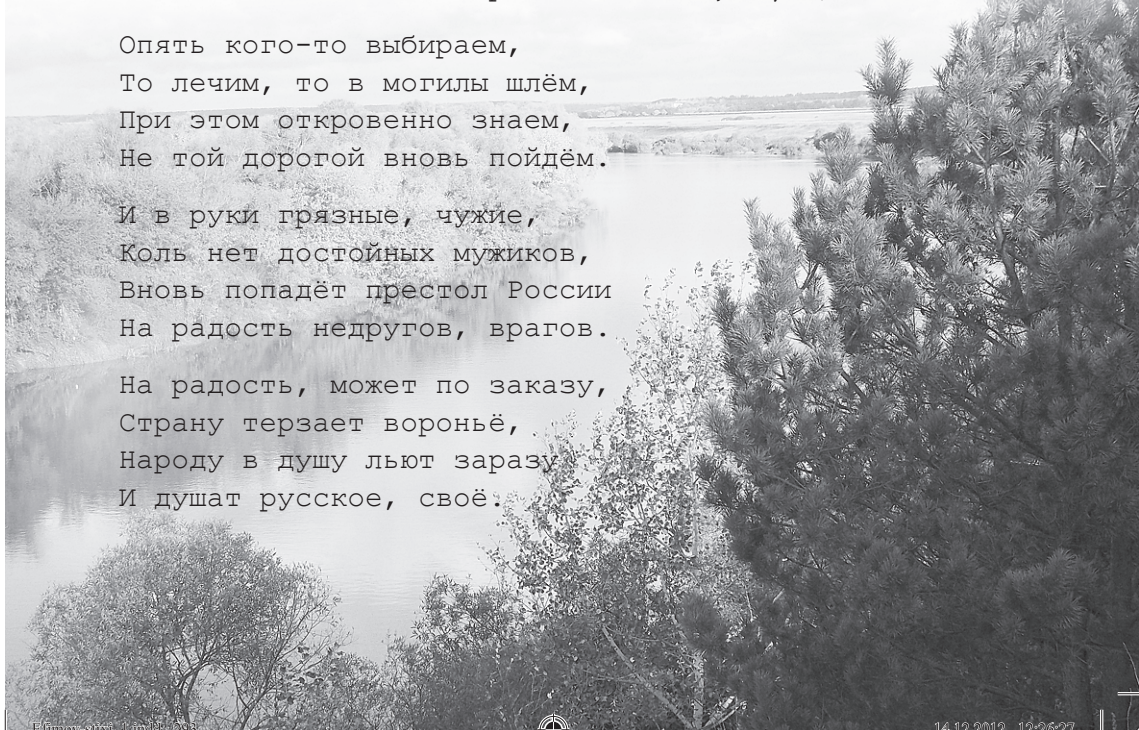
И в руки грязные, чужие,
Коль нет достойных мужиков,
Вновь попадёт престол России
На радость недругов, врагов.

На радость, может по заказу,
Страну терзает вороньё,
Народу в душу льют заразу
И душат русское, своё.

Елена, Вячеслав
и Артем Стружкины
в Делехово на фоне
полуразрушенной
церкви Михаила Архангела

Река Уфа
у Владимирского скита

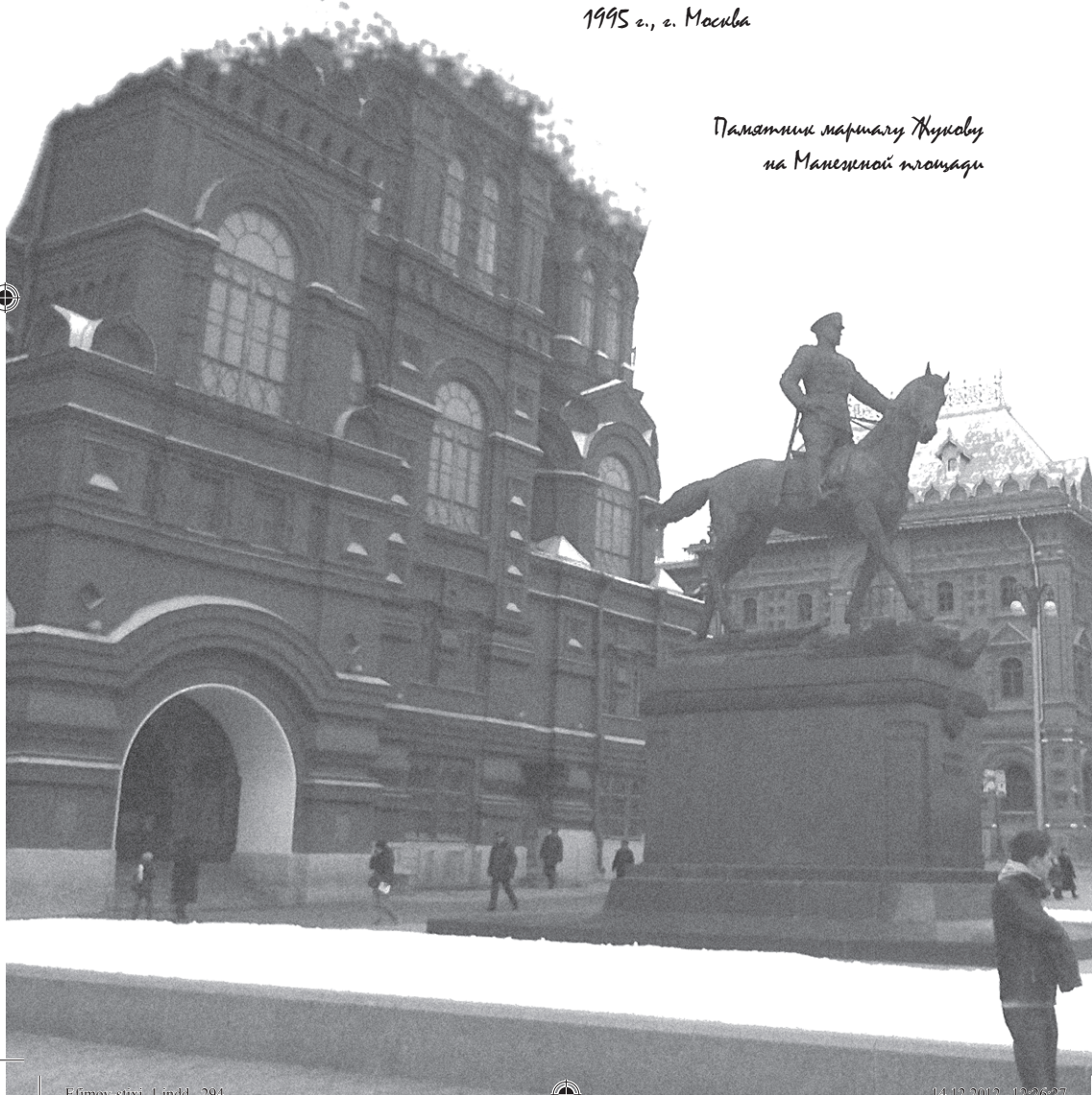

Мы все беспамятны от рода,
Доверчивые, как юнцы,
Не видим дальше огорода,
Раз душат, значит, мы глупцы.

Но гены прошлого проснутся,
С тоскою поглядят назад,
Разбудят жизнь и разберутся
С тем, кто устроил этот ад.

1995 г., г. Москва

*Памятник маршалу Жукову
на Манежной площади*

Гудит шумливо, многолико
 Московский рынок вещевой,
 Народ торгует деловито,
 Живёт торговлей лишь одной.

Кому надежда в беспризорье
 Кому нажива от других,
 Продать от прошлого сословья
 Иль разделить всё на троих.

Уже, конечно, племя новое
 Здесь пробивает свой бурьян,
 Оно крутое, не «совковое»,
 Нахально, каждый в меру пьян.

Отцом, дедулей, всем, чем хочешь,
 Вас назовут и обдерут,
 Потом тебе же вслед хохочут
 И нагло следующего ждут,

Завсегдатаи, словно дома,
 У джунглей взяв себе закон,
 Крутых подонков ходит свора,
 Наносит всем вокруг урон.

Всё знает и на всё способный,
 Порукой связан и сплочён,
 В обманах, драках закалённый,
 Пришельцев наглый легион.

Ветераны с. Дерехово

Не гимназистка с поволокой,
В лосинах бёдра, взгляд с плеча,
Стоит распутство синеокое,
Безумством сердце горяча.

Увлечь, завлечь, чтобы обжудить,
Нажива правит здешний бал,
Всё, что может что-то стоять,
Сюда несут, как на пожар.

А рядом с этим новым цветом
Нужда глядит со всех сторон,
Тоскливо, молча, безответно,
Боясь услышать слово «вон».

Трясутся руки, глаз слезится
И сырость в старых башмаках,
Холодный пот змеей струится,
Свободы колокол в висках.

Интеллигентное сословье,
От инженеров до врачей,
Забыли знания, в торговле
Нашли признание у рвачей.

Сюда защитников Отчизны
И просвещения дочерей,
Земле родной, отдавших жизни,
Нуждой собрали, как бомжей.

Одёжки, ложки и медали,
Не тётка голод, говорят,
Последнее из дому взяли,
Чтоб опуститься в этот ад.

Чтобы увидеть чёрствость жизни,
Что труд сегодня не в цене,
Позорно верным быть Отчизне,
Удел достойных быть на дне.

*Земляки из п. Шапкинск –
Щура Ермакина
с дочерью Олей в Тюмени*

Достоинство, как на базаре,
Отняли нагло среди дня,
Основы жизни разорвали
Победой пирровой звеня.

И слышать стыдно, грустно, низко,
Сквозь трёхэтажный перебор
Оценку русского единства,
О чём поёт царёвый хор.

Кто меру этих издевательств
Себе дал право назначать,
В какой стране заняли качеств
Своим народом управлять?

Кто, подвывая у кормушки,
За ложью совесть потерял,
Людей унизили до пешки,
Чтобы наглец богаче стал.

Уносит время перемены,
Да и предательство в туман,
Истории побелят стены,
Заштопают пустой карман.

Вновь скажут всем, что ради цели,
Щепа не в счёт, коль рубят лес,
Что песни, мол, свои отпели,
В нужде молитесь на Собес.

И так меняя у кормила
Одна другую целый век,
Власть поколения «учила»,
Чтоб жил счастливо человек.

1994 г., с. Щаново

Встреча
с земляками-ветеранами
с. Ушаково

Грустное

Опять метелью завывает
Тоскливый ветер за окном,
Так безысходно он вздыхает,
Что хочется забыться сном.

Душа болит от непогоды.
От суетливой пустоты,
Уходят молодость и годы
Без прошлого и без мечты.

Страданием полнятся селенья,
Бездушьем время поросло,
Надежда гаснет на спасение,
Корыстьем совесть замело.

За что небесные светила,
Привычный совершая круг,
Вы нашу землю наказали,
Нечистому все сходит с рук.

О, Господи, какие силы
Нужны, чтоб зло остановить,
Чтоб детям души не растлили,
Могла чтоб с честью старость жить.

Чтоб на Руси наживу честью
Назвали – не слыхал никто,
Заботу заменили спесью,
Обязанности – на ничто.

Труд на словах, на деле лавка,
Мораль скатилась на помост,
На фарисейство ставят ставку,
Халуга – наш сегодня Бог.

1995 г., с. Щандо

Храм Николая Чудотворца
в с. Сидоровна, Подмосковье

Пожар

Спасибо друг, что ты со мною,
Мне этот вечер случай дал,
Нас гонит жизнь сейчас с тобою,
Как на пожар, как на пожар,

Не каждый спросит о здоровье,
Не скажет – отдохни, устал,
Судьба жестока, мы в погоне,
В стране у нас сейчас пожар.

Россия стонет от мучений
Крест за грехи нам Бог послал,
Душа болит в тисках сомнений,
Покоя нет, кругом пожар.

Горят основы мироздания,
В удушие дымном жизнь идёт,
Тревогой искрится сознание,
А вдруг пожар любовь сметёт.

Любовь к земле своей и людям
Друзей заменит этикет,
Навечно прошлое забудем,
Поскольку нынешнего нет.

Людия Ф. Гембарукова –
бывшая учительница
физкультуры –
фугает местную власть
за запустение села.
Ее внучка – забур ищакчи
с. Ушаково

Остался только род семейный,
Его для нас Господь создал,
Но раздувает ветер знойный,
И здесь пожар, и здесь пожар.

О молодость, в пути исканий
Цени свой кров, как Божий дар,
В огне страстей, судеб, желаний,
Не возбуждай в себе пожар.

Не упивайся превосходством,
У чёрствости красива стать,
Не холоди своим упорством,
Пожар способен всех достать.

Пожар страстей ежеминутных,
Пожар корыстной суеты,
Пожар желаний равнодушных,
Пожар, с которым нет мечты.

Как защитить основы жизни,
Чтоб ворог счастья не украл,
Судьбы чтоб ветви не поникли,
Не погубил любовь пожар.

Любовь, слуга мой одинокий,
Мой щит седой, моя мораль,
Мы вместе, друг мой синеокий,
Прости же мне мою печаль.

1998 г., с. Дерехово

Внука Ульяна Струнина
идет в школу

Жители с. Дерехово,
Нина Ефимова
и Слава Струнин
на митинге
в День Победы

Какие дьявольские...

Какие дьявольские силы
Так зло с народом обошлись,
За что Россию невзлюбили,
Что разорить её сошлись.

Коль наказать решил нас Боже,
Рассудка нацию лишил,
Готовы делать, что не гоже,
Вредим стране, что было сил.

Земля родная, что досталась
Нам по наследству от дедов,
Разграблена, а что осталось,
Ждет хлебоборов, пастухов.

Россия стонет от позора,
От проходимцев, подлецов,
Где сыновья её – опора,
Где сила и любовь борцов.

Нам может нужно оглянуться
И прошлым время оценить,
Убрать позор, чтобы не гнуться,
Начать для Родины творить.

1995 г., г. Ставрополь

Анатолий Ефимов у Старой берёзы
на заброшенном поселковом кладбище
п. Шапкинск

Другу

Всё чаще, как удары молний,
«В иной мир друг твой отошёл»,
Душе добавилось волнений,
Он был и в прошлое ушёл.

Мне б охватить, что было, будет,
Понять, чему возврата нет,
Тебя заря уж не разбудит,
Закат пришлёт тебе привет.

Мы одержимы иль ничтожны,
Всё делим небо над собой,
Мы святы, а скорей безбожны,
Живём не миром, а борьбой.

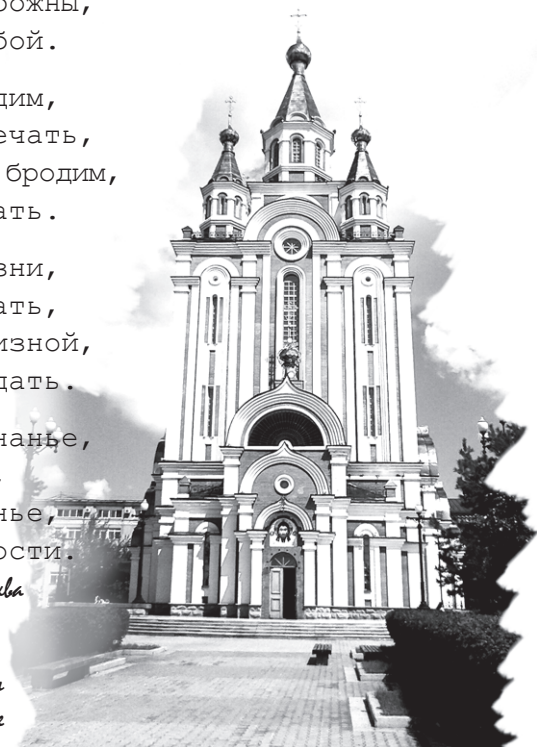
Куда спешим и что находим,
Вторую жизнь не повстречать,
В сомненьях, как слепые бродим,
И от судьбы хотим сбежать.

Трудиться на пороге жизни,
В тоске метаться и искать,
Мы все повенчаны с Отчизной,
Любить её и в ней страдать.

Тебя уж нет, а я в изгнание,
Я всё живу среди суеты,
Прости меня, как покаянье,
Прими стихи и вновь прости.

1994 г., г. Москва

Храм Покрова Богородицы
в г. Хабаровске

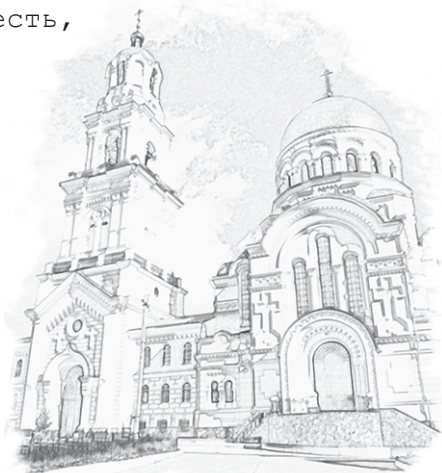
Кто правит в мире...

Что правит в мире человеком:
Нужда, богатство, совесть, честь,
Идут в забвенье век за веком,
Ответа нет и где прочесть.

Как отыскать такие силы,
Чтоб, возникая у людей,
Надежду миру приносили,
А не призыв свергать вождей.

То на основе уваженья
И добродетелей земных
Или в угаре опьяненья
Богатством иль страстей иных.

И почему легко теряет
Уклад привычный человек.
Одним движеньем разрушает,
Что создано не им навек.

Слава Тихоновская пустынь

Добро бессильно перед силой
А сила города берёт,
Где мужество, чтоб защитило
Сейчас и даже наперёд.

Как сделать, чтоб не одиночки
Несли по миру крест забот
Чтобы остаться только строчкой,
Отметкой в юбилейный год.

Чтобы страстей слепая сила
О мудрость разбивала гнев,
И милость счастье не просило,
А было достоянием всех.

А может мудрствовать не надо,
Лишь только не забыть о том,
Вставать с молитвой утром рано
И спать ложиться со крестом.

2005 г., г. Москва

Н. Ефимова
и Л. Надежкина
у храма Христа Спасителя
в г. Москве

Что время сделало ...

Купание в р. Иордане

Что время сделало со мною,
Мне жизнь становится скучна,
Простились честь, добро с землею,
Куда-то катится страна.

Людей под флагом к изобилию
Ведут с лишениями давно,
Чтоб прошлое скорей забыли,
Так как отстало и вредно.

Я лгу, что скучно жить на свете,
Мне очень хочется узнать,
Как же шестая часть планеты
Должна иль спать, или рыдать.

Куда списать вождей, мы знаем,
Таланты вот куда девать,
На что историю сменяем,
Чтобы спокойно после спать.

Не скучно, просто любопытно
Смотреть, как кружит воронье,
Позоря то, где жили сытно,
Теперь подалися в ворье.

Я не грущу, а просто знаю
Народ, с которым вместе жил,
С которым хлеб делил по краю,
И Господи, не разлюбил.

Молю я Бога, звезды, небо,
Чтобы терпением наградил
И для потомков наших не был
Век сном, в котором и я жил.

Чтобы могучими руками
России сыновья смели
Плебеев жадных, что сморчками
На теле Родины взросли.

Я верю в дух своей Отчизны,
Народ, затоптанный сейчас,
Он по себе не правил тризны,
Да и сегодня не зачах.

О, борзописцы, у кормушки
Кусок подачки проглотив,
Вы душу русскую на мушку
Берете за аккредитив.

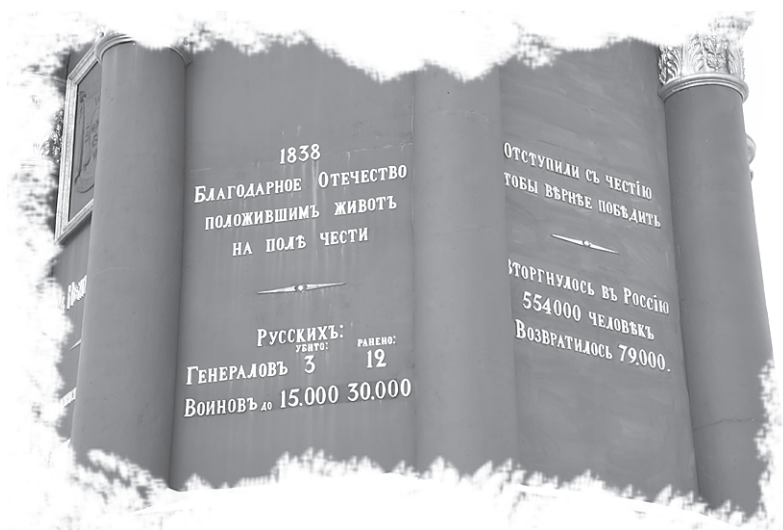
Искать защиту – биться в стену,
У айсбергов все под водой,
Век их короток, только пену
Они оставят за собой.

А мы, мой сын, еще посмотрим
И встретим над страной рассвет,
Как в старину его отметим,
И пусть врачи мне скажут «нет».

1994 г., с. Щандо

*Нина Ефимова
на панихиде в храме
на расстрельном полигоне
«Коммунарка»*

О нашем времени

Памятник
войне 1812 года
в Бородине

Что время, как его измерить,
Чтоб цену нашей жизни знать,
Чтоб по часам ее проверить,
Отчет придирчивый создать.

Слагать секунды, дни и годы,
Дела, поступки, города,
Хрусталь, картины, дань от моды,
Где вечность и что суета.

Пустырь на месте
п. Шапитск

Народ в военном лихолетье
Ценил смертями города,
А время на десятилетия
Вернулось вспять назад тогда.

Когда Вьетнам, Чечня с Афганом
Берут детей у матерей,
Их время тянется кошмаром,
А головы лица белей.

Стоят заводы, сохнут нивы,
Ползет сознание к топору,
Мы варвары и нечестивы,
Живем, как в древнюю пору.

Русь обозлилась до тупенья,
Сегодня корысть правит бал,
С животным чувством омерзенья
Мы катимся душой в провал.

Живем иль спим, пока не знаем,
Но лучше, если б это сон,
Страну назад мы возвращаем,
Считать тут время не резон.

Вот чем платить за эти беды,
Решится кто, когда, кому,
Топтать столетние победы,
Расплата будет кой-кому.

О, время распрей, «левых», «правых»,
Готовое разжечь костры,
Остановись, чтоб все поправить,
Народ не взял чтоб топоры.

1996 г., г. Москва

До чего дошли мы...

О, Боже! До чего дошли мы,
Стыдом покрыли всю страну,
Считали, что непобедимы,
А между тем идем ко дну.

От векселей душа устала,
А обещаньям веры нет,
В нужде романтика пропала,
Надежды помутился свет.

Тобольский кремль

Труд обесценен и не моден,
Наживою полны сердца,
Путь, что прошли, теперь не годен,
Он полон крови и свинца.

Смотреть кругом, уж нету силы,
Страна забытьем заросла,
Кто верил, тех глаза остыли,
Кто был борец, земля взяла.

Вновь наглецы вперед выходят,
Их страх ушел, морали нет,
Себе сподвижников находят,
Чтоб принести побольше бед.

В Росси были раньше смуты,
Народ сплотился и окреп,
Все пережил паденья, взлеты,
Да и сегодня не ослеп.

1993 г., г. Москва

Когда свершилось...

Когда свершилось святотатство,
Все изменилось отчего,
Всем миром осуждали барство
И возродили вновь его.

С разрухой дрались и нуждою
И нравы строго берегли,
Мир увлекли своей мечтою
И в неизвестность привели.

Как получилось, что свободу
Всем раздавали на века,
Что только делать с ней народу,
Коль у него пуста рука.

И суетливые проблемы
Заняли место важных дел,
Чтоб прозябать в тоскливой дреме,
Остался нам один удел.

Кто разбудить способен время,
Поднять из забвения народ,
Поможет вставить ногу в стремя
И за собою поведет.

Ну, отчего мы так несчастны,
Кто глаз нечистый положил
На нашу землю в одночасье,
Чтобы народ в мученьях жил.

1995 г., г. Москва

*А. Ефимов
с местным жителем
Владимиром нашли
на заброшенной кладбище
п. Шапкинском тачно
1 крест на могиле
дяди Пети Мефредева
(сапожника)*

*Красный и белый,
белто дерущиеся петухи
с. Делехова*

Распри

Нас раздирают распри снова,
Вновь делим небо над собой,
Хоть на краю стоим обрыва,
Хвост держим всё-таки трубой.

Спешим, кого, кто объегорит,
Кусок последний отберёт,
В нужду товарища загонит,
В пустой залезет огород,

Историю свою, как девку,
Рвём друг у друга среди дня,
С врагом готовы сделать спевку,
Живём в раздорах, всё кляня.

Среди зимы костёр загасим
Соседу, чтобы наших знал.
Кто не согласен, нос расквасим,
Спокойных выведем в запал.

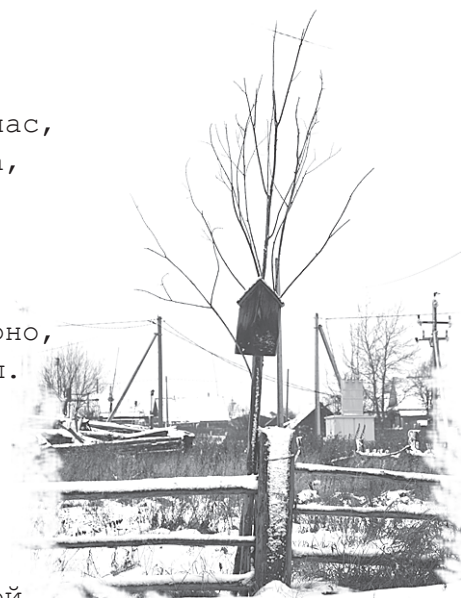
Давно испытанное средство
 Кто не за нас, тот против нас,
 Насилью научились с детства,
 А злости хватит про запас.

И ходим гордо и настырно
 Среди насилья и вражды,
 Решить проблем не можем мирно,
 Лишь время тратим без нужды.

Оно спешит, а мы забыли
 Тот перекрёсток на пути,
 Где будущее схоронили,
 Взамен тупик себе нашли.

Как отыскать в пыли дорожной
 След, выводящий на простор,
 Иль вечно истомлённым жадой
 Нести потомкам свой позор.

1997 г., г. Москва

Скверетик в с. Уманово

Глава 8.

Святая, как французское поле

Е.А. Ефимова –
моя мать

О матери

Не верьте, коль скажут, что матери вечны,
Всегда нам помогут в тревогах, беде,
Вы знайте, что дни их идут скоротечно,
А жизнь утомила в работах, труде.

Не верьте, что матери наши всесильны,
Всё могут, как прежде, их руки творить,
Вы вспомните землю, что потом обильно
Полита, чтоб нас и страну прокормить.

Не верьте словам, что совсем не устали,
Умерьте запросы и просьбы свои
И если они в чём-то нам отказали,
Не нужно винить, изнасились они.

Не верьте, что матери стали черствее,
Им взрослую душу детей не понять,
Почувствуйте сердцем, как в детстве, нежнее
Желанья родные, нас гордых обнять.

Вы верьте, что матери наши прекрасны,
Любовью и светом душа их полна,
Скажите, что жизнь их прошла не напрасно,
Для счастья детей вся она отдана.

Не верьте, что матери нужен лишь угол,
В котором могла она век коротать,
Ей будьте опорой и ласковым другом,
Чтоб радостно было ей жить и мечтать.

1989 г., г. Москва

Петр и Мария Ширковы –
ссыленные, земляки
из п. Шагинск

Поезд мягко стучит ...

и месту назначения

Поезд мягко стучит на рельсах,
До Москвы ещё далеко,
Мысли путаны, всё в сравненье
И тревожно мне, и легко.

Вспоминается дальнейшее детство,
Как мальчишкой я пас табуны,
Мы работать имели право,
Раз отцы не вернулись с войны.

Мужиков было мало в деревне,
Тот калека, а этот хромой,
И отцами нам были с детства
Наши матери с вдовой судьбой.

Поднимали нас рано в поле,
Когда небо вздыхало от гроз,
К топору и коням приучали,
Не терпели напрасных слёз.

Бабам всё приходилось делать,
Выпить меру нужды до дна,
Чтоб засеять, убрать и провеять
И скоту заготовить корма.

Редкие минуты веселья:
Е. Сокарова, О. Родинова,
М. Мезгелева, Е. Ефимова,
С. Каинова, п. Шагинск

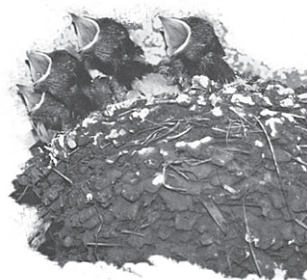
В той колхозной нехитрой науке
Все резервы брались на учёт.
Равноправно со взрослым в наряде
Был курносый весёлый народ.

Научились всё делать рано
По-мужски и не ныть никогда,
Днём работать, вставать спозаранок,
Только есть вот хотели всегда.

Ничего нет вкуснее картошки
В кожуре, да чтоб была горячей,
Ничего нету горше, чем слёзы
Измождённых нуждой матерей.

Сколько нужно житейской смекалки,
Чтоб беда не сумела сломить,
Сколько было душевной закалки,
Чтобы веру в добро сохранить.

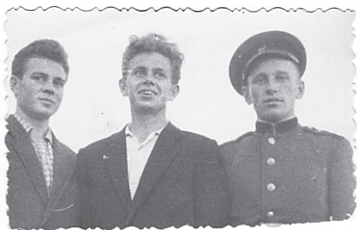
Не пенять на судьбу, всем досталось,
Бедам всем нас растить назло,
Честь мужей сохранить, что остались
На войне, и свою заодно.

*Гнездо ласточки
с птенцами*

*Мама Е. Ефимова
Осталась вдовой
в 26 лет
с 3-мя малышами*

*Братья Юрий, Анатолий,
Владимир (фото сделано
в г. Кургане во время учебы)*

Может легче им было б с нами,
Если знали они о том,
Не напрасны труды и старанья,
Сыновья им скажут потом.

Кто виновен в моём становленье:
Мать, отец или народа страда,
Видно, жил я в общем стремленье,
Жажде счастья, добра и труда.

1983 г., п-т Саликамск-Москва

Любить людей

Мне мать твердила постоянно
Важней всего любить людей,
Вставая с солнцем утром рано,
Молись о людях, так верней.

За тех, судьбою кто обижен,
По сердцу дела не нашёл
Иль обстоятельством принижен,
Дорогою не той пошел.

Кого нужда суровой хваткой
Унизила до нищеты,
Бьет по лицу стальной перчаткой,
Чтоб в суете жил, без мечты.

Люби детей, что оступились,
И их несчастных матерей,
Чтоб сны хорошие им снились,
Чтоб наяву стали добрей.

Ты пожелай большой удачи
Тому, где случай не помог,
Не требуй от того отдачи,
Душой кто, телом занемог.

*Нина Ефимова угощает
деревенских детей
на веранде в с. Дерехово*

*7 класс «Б», 1956 г.,
с. Ушаково*

В беде дай бескорыстно руку,
А молодым подставь плечо,
Пойми душой людскую муку,
Прохладу дай, коль горячо.

Прости, кто жадностью пронизан,
Наживой только и живет,
Он ослепленный и унижен,
Когда-нибудь все сам поймет.

Забудь про зависть, коль в богатстве,
Нечестность, корысть повстречал,
Кто, лучше вспомни жить в несчастье,
От этого на свете стал.

Жизнь не имеет продолженье,
Если свести любовь на нет,
Удел один – существованье,
Такой сынок тебе совет.

1985 г., п-т Ярославль-Москва

*А. Ефимов в гостях
у двоюродных сестры Гали,
брата Ивана и их детей
в г. Миассе, 2009 г.*

*Предвоенный снимок отца
Петра Михайловича,
матери Е.А. Ефимовой
и брата Юрия.
Я еще не родился*

Студент

Матери

В воспоминаньях давних, дальних
Есть детства милый уголок,
Весёлых дней и дней печальных
Лежит нетронутый клубок.

Чего там больше, разобраться,
Мне долг велит, пора начать,
В забытом нужно покопаться
И книгу лет перелистать.

Начать, быть может, с той поры мне,
Что искрой светится в годах,
Когда мечта, подобно песне,
Неслась победой в проводах.

И радость бурною волною
Подростку распирала грудь,
Студенчество самой судьбою
Открыло в жизни новый путь.

Студент – милее нету слова,
Студент – открылся новый мир,
Студент – познания основа,
Студент – Камчатка и Памир.

*А. Ефимов – студент
Челябиского политеха,
инженерно-строительный
факультет*

И опьянённый от победы,
Не веря в радостный итог,
Прости, что потерял из вида
На миг я милый уголок.

Где ты, родная, телеграмму
В рыданиях не могла прочесть,
Я принят, принят, принят, мама,
Гудела колоколом весть.

И лёжа в поле, на соломе,
Опустошённая от слёз,
Мечтала о счастливой доле,
Где муж, сыны и всё без грёз.

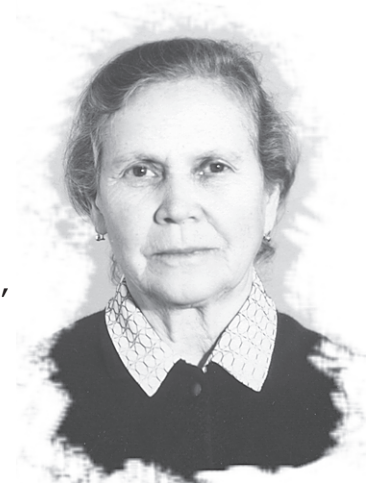
Я понял позже, через годы,
Что та победа не моя,
В ней собрались страдания, беды,
В ней суть отца и жизнь твоя.

В ней треугольников заклетье
«Учи, Дуняша, сыновей»,
В ней одиночества проклетье
И вдовья доля матерей.

Свои таланты позабыты,
Чтобы детей растить, учить,
На нас судьбой лежат отсветы
Огня, что в вас всегда горит.

И не желала высшей доли,
Сынов поднять из нищеты,
Святая, как ржаное поле,
Очаг любви и красоты.

1980 г., с. Уманово

*Е.А. Ефимова Моя мать,
как дочь лишенных
гражданских прав родителей,
не угнана в лагеря вообще –
запрещено властью*

О чём тоскуешь...

В память о матери

О чём тоскуешь безотрадно,
Болеешь телом и душой,
То затихаешь изваянно,
Сгораешь восковой свечой.

Всё есть, о чём и не мечтала
В краю отверженных людей,
Где близких и друзей теряла
И ждала лишь плохих вестей.

Дух человека вольный, гордый
Сидел в смиренных цепях,
Зов памяти далекий, вечный,
Как след веков на образах.

От жизни уж немного нужно,
Сгорела молодость в огне,
Искать виновных невозможно,
Они все нынче в стороне.

Корить судьбу за зло, немилость –
Грех перед Богом и собой,
Пенять бывшее за постылость –
Лишь наказать себя тоской.

*Е.А. Ефимова – мать,
задумалась о жизни*

*Анатолий, Владимир,
Роза, Нина, Саша, Денис,
Петр, Таня Ефимовы
на Ярославском вокзале*

2005 г., г. Москва.

П.М. Ефимов —
мой отец.

СПРАВКА

о сроках пребывания под надзором с ограничением прав и свободы

г. Ставрополь

« 19 ноября » 199 6 г.

Выдана Ефимовой Евдокии Александровны
(фамилия, имя, отчество)

в том, что гр-н(ка) Ефимова Евдокия Александровна
(фамилия, имя, отчество)

находился(лась) в на спецпоселении в Туменской области на персональный
(какая мера принуждения)

учет поставлена по достижении 16 лет, _____ 19 43 г.

с « _____ » 19 32 г. по « _____ » _____

Справка составлена по архивным материалам ИЦ УВД Туменской области

Начальник ИЦ при УВД
Ставропольского края

Лубенченко В.Н.
(фамилия, инициалы)

2839—10.000, 1993 г.

Справка о постановке
на спецучет (ссылка)
матери - в 16 лет,
выслана в 14 л.

Выписка из акта
о расследовании
моего зема
А.П. Борозерцева
31.10.1937 г.

ДИНАСКА ИЗ АКТА
 ОБЛАСТНОГО СЕКТОРА ИЛИ Г. Таболск
 Действование: Третьи УЛКЦИ Омской области от "26" октября 1928
 года о расстреле Игнатьевых Александр Иванович 1888.
 ПОСМОТРЕНО В ИСПОЛНЕНИИ: "2" ноября 1928 г. г.с.
 ПАМ. В-ГО ОБЩЕГО УЛКЦИ ГОС. СЕК.
 И. И. С. Б. К. Т. О. Р.
 СЕРЖАНТ ГОС. СЕКЦИОН.

В период 1983 – 1990 гг. после переезда семьи в Москву, мама с весны до глубокой осени проживала на даче в с. Дубки под Ярославлем, куда и ней на все лето привозили внуков. Стихотворение об одном из таких приездов. Позднее в с. Делехово Рязанской области 06.07.2002 г. были убиты материей дети ее внуки Елены (Ваня – 15 лет и Маша – 5 лет), а всего было у мамы 6 внуков и 11 правнуков. Умерла в 2005 г. в возрасте 89 лет.

Иоланта

Е.А. Ефимовой – моей матери.

Мы «Иоланту» смотрим весело,
Хмельны от встречи и вина,
Когда курносый принц Роберто
Кричит: «Она мне не нужна».

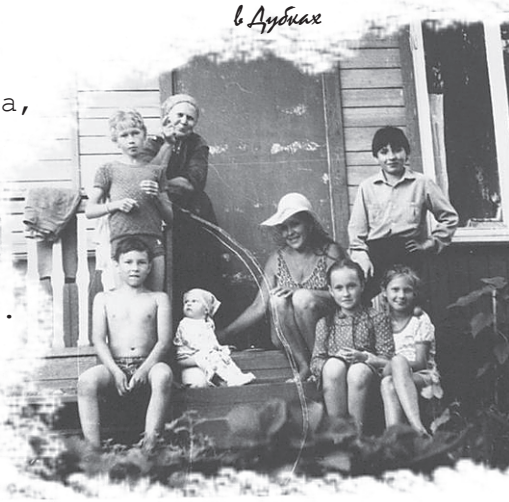
Елена – режиссёр и «лекарь»,
Чайковский б мог гордиться ей,
Готовит оперу, как пекарь,
С одичавшей летом ребятнёй.

В саду чудесные закаты
И свет костра меняет век,
Глядит, как встретились три брата,
Старушка-мать сквозь тяжесть век.

Всех их собраться попросила,
Из ягод сделала вина,
Здесь – жизнь отчаянно красива,
Там – юность мужеством полна.

Легли на плечи годы: вёрсты,
Нужда, разруха и борьба,
Одна на свете, только дети –
Твой свет и совесть, и судьба.

Е.А. Ефимова,
Р. Ефимова
с детьми
на даче
в Дубках

Отец хотел, чтоб было лучше:
 «Детей учи, меня прости»,
 Ушёл, как будто канул в вечность
 Моложе их был, не грусти.

Косили, сеяли, пахали
 Деревней бабьей от тоски,
 От «похоронок» выли вдовы
 И жизни сохли лепестки.

Но эти трое рядом были,
 Растут, едят – тут вой не вой,
 Да, «Иоланты» мы не знали,
 Ходить умели за сохой.

От вдовьей доли и заботы,
 От жуткой тяжести внутри
 Спасала адская работа
 И сорванцы, аж целых три.

А где-то бились до Победы
 Добро со злом, за честь страны,
 Мы за двоих трудились годы,
 Мы очень были здесь нужны.

*Е.А. Ефимова – мать
 с детьми и внуками
 на даче в Бурмакино
 Ярославской обл.*

*Школьные
 учителя:
 Л.И. Ермакина,
 Е. Скофурнова,
 Т. Сырбунова,
 Е. Рамангенина
 и молодая
 учительница*

Нужны, чтоб эти голодранцы,
Сменить затем отцов смогли,
Нужны, чтоб снова были танцы,
Скорей бы только подросли.

Смогли своим трудом и потом
Очистить грязь с родной земли,
Мы материнской заботой
Отчизне славу принесли.

Да грусть ли это, боль, надежда
И гордость за свои дела,
Вот если б только, хоть однажды,
Его увидеть я смогла.

Я воскресить могла бы снова
То время и любовь свою,
О, Боже, что наговорила,
Пойду на внуков посмотрю.

А сыновья шумны от счастья,
Им всем за сорок, а они
Остановили б лучше время,
Они смогли б, они ж мои.

И хорошо, что много знают,
И хорошо, что так живут,
Зачем вот только улетают,
Как тяжело мне, не поймут.

Играют внуки увлечённо,
Прошли их беды стороной,
Глядят на бабушку влюблённо,
Устала – надо на покой.

На сноках

*Юрий и Владимир
Ефимовы*

Уж скоро яблоки созреют,
Сварить варенье соберусь,
Одни заботы окружают,
А может, правнуков дождусь.

*Супруги П.М. и Е.А.
Ефимовы – родители*

Собрать бы их всех на крылечко,
Послушать, как они умны,
Вот только б вспомнили словечком
Про нас с отцом, не зря же мы...

Так было часто на закате
По всей земле, во все века
Мечтали женщины в надежде
Детей собрать у очага.

Проходит мимо поколение,
Чьи плечи знают скорбь да пот,
Страны ровесники седые
От войн, горя и забот.

1984 г., г. Дубни, Ярославская обл.

*Денис и Петьа Ефимовы
среди дальних детей
лакаются клубничкой
у мамы на даче
в Дубнах*

Прощание

В память о матери

Я не могу с бедой смириться,
Почувствовать в забвенье мост,
Быть может все лишь только снится,
А ты уже целуешь крест.

В последние минуты жизни
Судьбу свести в короткий миг,
«Я, Толенька, ...» и тихо, смирно,
Перекрестясь, ушла навек.

Закрылось целое столетье
Страданий, боли, вечных мук,
Моей душе уж нет укрытья,
Спасительный подаст кто круг.

Во сне твой голос телефонный:
– Скажи, откуда, как живешь?
– Мне хорошо, будь ты спокойней,
Звони. – Куда? – Ты сам поймешь.

Коли захочешь вновь услышать,
Душа ко мне найдет свой путь,
Не унывай, держись поближе
И нас с отцом не позабуди...

Нина, Оля и Роза
Ефимовы на кладбище
под Москвой
у могилы
Е.А. Ефимовой
и А.А. Мудрых

То вижу, ты несешь поклажу,
В ней видно тяжести на трех,
– Да, брось ты, мама, эту ношу,
– Сын не могу, в ней твой же грех».

И надрываясь от мучений,
Честней, светлей стараюсь жить,
Уменьшить чтоб твои волненья,
Чтоб здесь и мне спокойней быть.

Уже прошли бессонья ночи,
С портретом реже говорю,
Я побелел, как ты, досрочно,
Но также горестно люблю.

Терзаюсь, в жизни торопливой
Порой о ласке забывал,
Ты с грустью мудро говорила:
– Смотри, потом чтоб не страдал.

– О, мама, как еще страдаю,
Душа уж высохла от слез.
О прошлом часто вспоминаю,
Но от себя же не уйдешь.

2005 г., г. Москва.

*Е.А. Ефимова в своей
комнате в Москве
под выращенным
ею цветком*

Глава 9.

Не терпит время ожиданий
как крылья юности дает

*Денис Ефимов
смотрит фильм*

Сыну к 15-летию

Раскрытое окно познания
Неудержимо вдаль влечёт,
Не терпит время ожиданья,
Коль крылья юности даёт.

Алеют паруса «Секрета»,
В них ветер странствия поёт,
Открытия ждут тайны света
И прошлое к себе зовёт.

Вчера путь Млечный Магеллану
Светил, сейчас глядит на нас,
Нам Пушкин подарил Татьяну,
Загадочно тревожит Марс.

Россия же дала в наследство
Небес волнующую синь,
С монастырями по-соседству
Раздолье леса и глубин.

*Сын Денис Ефимов
с друзьями в Карелии
у костра*

На нас сошёлся перекрёсток
Надежд, раздумий и тревог,
В нём разудалых троек вёрсты
И пыль кандальная дорог.

Жён декабристов отречение,
Величье духа и ума,
Смешались вера, долг, сомнение,
Свет разума, забытие, тьма.

Но как всегда горят зарницы,
Года меняют вёснам счёт,
Мелькают времени страницы
И мысль опять зовёт вперёд.

Очистят праведные грозы
Застойный воздух над землёй
И грусть Есенинской берёзы
Вновь увлечёт своей мечтой.

Восторжествует дух Джульеты
В краю Гагаринских миров,
Где повстречаем мы отсветы
Далёкой юности костров.

1989 г., г. Москва

*Храм Державной
Божьей Матери
в Чертаново, г. Москва*

*Встреча
с сослуживцами
на Государственной
строительной
инспекции
МО СССР*

Время бег не остановит...

Время бег не остановит,
Ему не скажешь, погоди,
Нас прошлое ревниво ловит,
Кричит печально, подожди.

Взгляд в будущее устремляя,
Все ждем чего-то впереди,
А наша молодость, играя,
Давно осталась позади.

Жизнь мчится мигом скоротечным,
Как охватить, не потерять,
Все кажется настолько вечным,
Зачем спешить и догонять,

Цени общение с друзьями,
Что видишь неба синеву,
Что топчешь землю сапогами,
Да и в невзгодах на плаву.

Не торопись за синей птицей
И не жалей что потерял,
Перед тобою мир искрится,
Цени свой миг, чтоб он сиял.

2005 г., г. Москва

А. Ефимов на охоте

Сыну

А. Ефимов
с сыном Денисом
на Горной реке в Канаде

Совсем незаметно и быстро
Мальчишки растут на земле,
Всё чувствуют тонко и остро,
А жизнь их – полёт на крыле.

В края неизведанных далей,
В миры бесконечных чудес,
Мечты их чисты, без печалей,
Похожи на сказочный лес.

И в мыслях ракеты к планетам
Несут их сквозь звёздную высь,
Глаза отражают полсвета,
Жаль только, сейчас родились.

Как будто увидел впервые
Я, сын, твой внимательный взгляд,
Летят наши годы земные
И только вперёд, не назад.

1984 г., г. Загорск, Моск. обл.

Внучка
Валерия Ефимова

О детях

Порой в минуты одиночества
Желаем в детях мы поймать
Черты забытые отрочества,
Чтоб больше о себе узнать.

Как безудержно их веселье,
Какая радость бытия
И беззаветное влечение
Понять миры вокруг себя.

Им космос душу заполняет,
А море в глубину зовёт,
Безмолвьем север их пленяет
И мужество в походах ждёт.

По карте ползает политиком,
Проводником в тайгу идёт,
Не представляет себя нытиком
И чудеса повсюду ждёт.

Внучка
Ульяна Струнина
с собакой Алтайской

Глаза открыты, бесконечны,
 Всегда пытаются познать,
 Что всё-таки в природе вечно,
 Как всё успеть, понять, догнать.

Магнитов тайную природу
 И силу реактивных струй,
 Влиянье ветра на погоду
 И почему не тонет буй.

Коль на коне, то он Чапаев,
 А взял ружьё, так Зоркий глаз,
 Спасает в Индии сипаев,
 Всё вправду, а не на показ.

Лежит в окопах с пулемётом,
 Солдатам ленту подаёт.
 И, обливаясь липким потом,
 С отцом дорогу вдаль ведёт.

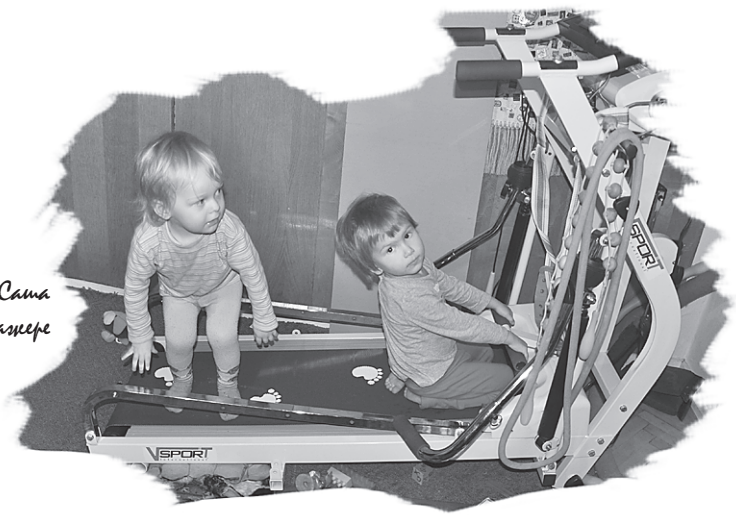
В них бесконечное желанье
 Всё познавать вокруг себя,
 В них сила разума, дерзанье,
 Сомненья, радости струя.

1986 г., г. Москва

Внук Алексей

*Внуки Артем и Саша
 на тренажёре*

Прости, мой сын...

Прости, мой сын, меня за всё,
Чем помешаю жить тебе,
Что омрачу, как не проси,
В твоей загадочной судьбе,

Минуты редкие блаженства
Вдруг грустной мыслью о себе,
За жалкое несовершенство
И отступления в борьбе.

Что в век больших противоречий
Был слеп и близорук, как все,
Хоть честно взваливал на плечи
Дела, посильные лишь мне.

Прости, что корни родовые,
Что вглубь идут, не показал,
Традиций мускулы стальные
Тебе в наследство не отдал.

Что положил тебе в дорогу
Сомнений пухлый чемодан,
Хоть знаю, что от них нет проку,
Тебе другой уж жребий дан.

Грусть одиночества котёнком
Уже живёт в моих глазах,
Тебя я вижу лишь ребёнком,
Ты ж в новом веке и делах.

Прости, мой сын, меня за это,
Любовь живёт не без греха,
Запомни лучшие советы,
Да сгинет в прошлом чепуха.

2001 г., г. Москва

*Анатолий Ефимов
с сыном Денисом
в парке г. Монреаль*

*Поздравление с юбилеем:
Евгений, Вячеслав,
Елена, Алексей, Ульяна
Струнины*

*Стружка Юра в день
всплывания в светелке
на даре в Щанова*

Мне сколько лет...

Мне сколько лет сейчас не знаю,
Я заблудился, как в лесу,
Уж много раз подряд считаю,
Кидая годы на весы.

Иной год можно половинить,
Другой вместил в себя все пять,
Какой же мерой их измерить,
Как сосчитать и уравнивать.

Душа поёт, и годы птицей
Вдруг улетают в никуда,
Всё впереди горит, искрится,
Исчезло время и года.

В стране упадок жить так тяжело,
В овчинку время собралось,
Закрылось в новый мир окошко,
В клубочек счастье улеглось.

А может время постоянно,
Его, быть может, вовсе нет,
Мы в жизни ищем неустанно
Того, чему ответа нет.

2000 г., г. Москва

Сыну

8 лет

Поздравляю с днём рожденья
И тебе мой сын дарю
Небо, солнце, звёзд сиянье,
Цветы лугов, леса, зарю.

Чтобы был ты в жизни сильным,
Сердцем добр, богат душой,
Не ходил путём окольным,
А прямой дорогой шёл.

Чтобы радость к людям близким
Заходила в дом с тобой,
Чтобы мать гордилась сыном,
Была от счастья молодой.

Мы пройдем ещё немало,
Пока узнаем жизни суть,
Если ж я в пути устану,
Ты продолжишь этот путь.

1982 г., г. Ярославль

Анатолий Ефимов
с сыном Денисом
в Оттаве

Ефимовы: Нина,
Лена, Денис, мама
и А.А. Мудрых –
мать Нины

Подарок сыну

Подарил я сыну «Смену»,
Два блестящих ремешка,
Снисходительно на Лену
Посмотрел он свысока.

«Это оптика – не просто», –
Важно он ей говорит,
Для наводки есть окошко,
Тут не каждый сообразит.

Он инструкцию детально
Изучал три дня подряд
И замучил всех повально,
Применяя аппарат.

Объяснял он деду долго,
Как по линзам свет идёт,
И так было это сложно,
Что заснул домашний кот.

Сын работал дальномером,
Тренируя глазомер,
И для съёмки в интерьере
Ряд серьёзных принял мер.

Мы артистами все стали,
Режиссёр был очень строг,
Замечал он все детали,
Все мы знали, где порог.

Снял он бабушку в больнице,
Всех дворовых сорванцов,
Почему-то смазал лица
У больничных докторов.

Думаю, что неслучайно,
Он больницы не любил,
Испытал в них боль, отчаянье
И ничто не позабыл.

1982 г., г. Конейск

Кот Ханка на 15 этаже
на кондиционере
(наблюдательный пункт)

Ария дачного кота

Я дачный кот и в нашем коллективе
Все тайны знаю я наперечёт,
Приятен ночью лунный блеск в заливе,
Как речка в зарослях загадочно течёт.

Суров со мной хозяин, он всё знает,
Детишки радуют, но им я для игры,
Меня хозяйка кормит, понимает
И для неё ловлю мышей я до зари.

Мышей волнение сердце мне тревожит,
Я даже их по-своему люблю,
Напрасно всё-таки они растенья гложут,
Я охраняю сад, страдаю, но ловлю.

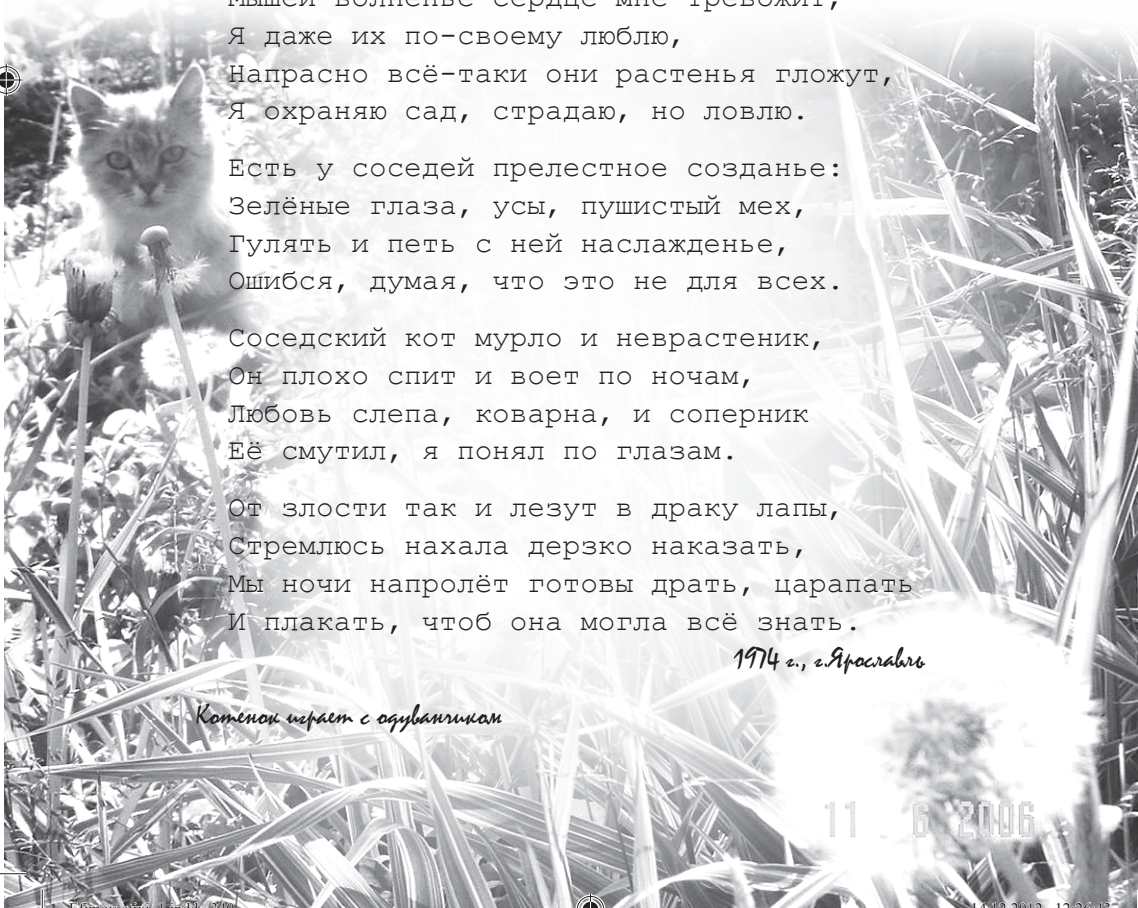
Есть у соседей прелестное создание:
Зелёные глаза, усы, пушистый мех,
Гулять и петь с ней наслаждение,
Ошибся, думая, что это не для всех.

Соседский кот мурло и неврастеник,
Он плохо спит и воет по ночам,
Любовь слепа, коварна, и соперник
Её смутил, я понял по глазам.

От злости так и лезут в драку лапы,
Стремлюсь нахала дерзко наказать,
Мы ночи напролёт готовы драть, царапать
И плакать, чтоб она могла всё знать.

1974 г., г.Ярославль

Котенок играет с одуванчиком

11 6 2006

Мама, мама ...

Кот Хамка на капоте машины

Мама, мама, у собаки
Кто-то поцарапал лапы,
А потом нашли мы кость
И пришёл к нам странный гость,

Он с усами влез в тарелку
И из чашки слопал пенку,
Зашипел на пса сердито,
На диване лёг открыто,

В шубу спрятал нос умытый,
Промурлыкал виновато
И, закрыв зелёный глаз,
Хвостом крутит напоказ.

Мы с собакой обалдели,
Сели на пол и запели:
«Это он, это он,
Кот соседки – «хамелеон».

1982 г., г. Ярославль

Пёс

Собака Артеёма со щенками

Если пёс через дорогу
Не боится перейти,
Значит, дел сегодня много,
Ждут заботы впереди.

Может он к своей знакомой
На свидание спешит
И от радостных предчувствий
Кисть на хвостике дрожит.

Может он к друзьям собрался
Кость по-братски разделить
И, как с Шариком подраться,
Должен с ним обговорить.

Ну, а разве не причина,
Коль хозяин приказал,
Сбежать срочно к ресторану,
Где он шапку потерял.

И с котами разобраться
Видно времечко пришло,
Крепко нужно постараться,
Чтоб до них, чертей, дошло.

Иностранная подружка
Принесла аж шесть щенят,
Нужна крепкая пирушка,
Чтобы в них родню признать.

1980 г., г. Ярославль

Глава 10.

Края есть лучше, скажут если,
я все равно останусь здесь

Зима

Зима метелью снежной утром
Напомнила о бытие,
В природе и на сердце смутно,
Все оказались в западне.

Запорошила стёкла, окна,
Позёмкой мечется в полях,
На лужах стылые волокна,
Да одиночество в лесах.

На трассах время и пространство
Единоборство развели,
Исчезло в мире постоянство,
Устои в прошлое ушли.

Полей заснеженная дымка,
В ней растворился дальний лес,
Струится лёгкая позёмка,
Нависла полоса небес.

Доверил ветру одиноко
Лист горькую свою судьбу,
Застыла быстрая протока,
Вороньи стаи на току.

На проводах урок по нотам
Проводит стая воробьёв,
Устала лошадь от работы,
На свадьбу вышла свора псов.

Спешат машины по дорогам
В свои ночные гаражи.
И ели, словно недотроги,
Им лапой машут от межи.

Камыш открыл под твёрдым настом
Болот обманчивый простор,
И слышно, как с весёлым хрустом
Гуляет в зарослях топор.

Верёзы в плавном хороводе,
Как девицы в снегу стоят,
Их наречённый где-то бродит,
В тоске ветвями шевелят.

Апрель ударил вдруг морозом.
Опять в снегах исчезла даль,
Тепло осталось за прогнозом,
Скворцов, ребята, только жаль.

Привычный вид, всё так обычно,
Бесхитростный родной пейзаж,
Но это то, что в жизни вечно,
Чего не купишь, не продашь.

Я обнимаю эту землю,
Такой, какая она есть,
Края есть лучше, скажут если,
Я все равно останусь здесь.

1986 г., Москва – Курск

На лесной тропе
в Битумовском парке

Утренний город

На Финском волны поднимая,
Соленый ветер пролетел,
Он листья желтые срывая,
Вдоль Невского прошелестел.

Домов гранитные громады,
У сфинксов древних сонный вид,
А свежесть утренней прохлады
Слегка волнует и бодрит.

Река играет поплавками
У терпеливых рыбаков,
Брожу один между веками,
В тени причаленных судов.

Забылись греческие боги,
Векам теряя давний счет,
От мудрости их лица строги,
Да и бессмертие гнетет.

Осенний воздух над водою,
Свежеет к вечеру сильнее,
У пирса коровбли толпою,
Чтоб развели мосты скорей.

Нева холодной волною
Умыла камень берегов,
На шпигле яркою звездой
Горит эмблема парусов.

1986 г., г. Ленинград

Денис Ефимов на рыбалке

Визитка Ульяна со львом
у Храма Христа Спасителя

Вечер на даче

В память о матери
в период жизни
на даче в Дубнах

Остались только песни птиц,
Да от костров дымки,
Еще в глазах знакомых лиц
Прощальные кивки.

Уж поздний вечер наступил,
Прохладно от реки,
Вдали, где поезд простучал,
Доносятся свистки.

Исчезло солнце в дымке туч,
Луна сошла с небес,
Плеснула рыба из под круч,
Темнеет дальний лес.

Замолкли птичьи голоса,
Горят огни вдали,
Рождает небо чудеса,
Чтоб утром к нам пришли.

Оставьте память небеса
И волшебство со мной,
Мне святость эту на года,
Душевность и покой.

1976 г., г. Ярославль

Ефимовы танцуют речку:
Мама, Лариса, Денис,
Таня, Анатолий на даче
в Дубнах

Всё как прежде...

Все, как и прежде, здесь знакомо,
Лист багрянцем шелестит,
Малахитовой короной
Лес озера сторожит.

Тени бродят в перелесках,
Бабье лето расцвело,
Паутиной на подвесках
Разнаряжено село.

Растревожил вечер душу
Пряным запахом полей,
Как поет, сквозь время слышу,
Мне из детства соловей.

Встать пораньше б, до рассвета,
И под крики петухов
Попросить росы у лета,
Да дождя у облаков.

Походить по мокрым травам,
Уколоться о жнивье,
Тронуть ивы ствол корявый,
Посмотреть на воронье.

Журавлей прощальный голос
Приближает зимний день,
Молодых березок поросль
Окружила старый пенёк.

1982 г., п. Шапкинск